

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

Горькие травы

Книга 2 **Священный
метод**

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РУССКИЙ СОНМ

Екатерина Белецкая
Иар Эльтеррус
Священный метод
Серия «Русский Сонм»
Серия «Горькие травы», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8631760

Горькие травы. Кн. 2. Священный метод: Эксмо; М.; 2014

ISBN 978-5-699-76617-8

Аннотация

Проект «Азимут» выходит на новый уровень. Официальная служба планирует ни много ни мало экспедицию к центру Вселенной – она хочет получить полный контроль над Террой-ноль, загадочным миром, средоточием самой сути Русского Сонма.

Можно ли помешать этому, если часть твоей семьи оказалась в заложниках у Службы? Что вообще можно сделать, если ситуация выглядит безвыходной?

Оказывается, кое-что можно. Особенно если на твоей стороне старые друзья. Вот только друзья – Контролирующие и поступают порой совсем не так, как нужно. Про таких есть поговорка: «С такими друзьями врагов не надо». Хотели как лучше, а получилось...

Впрочем, не всё потеряно. Главное – бороться и не сдаваться. Тем более что у тебя есть оружие, которым не владеет Официальная служба. Это твой Священный метод, и только ты сумеешь им воспользоваться...

Содержание

Пролог	6
Часть I	14
01	14
02	54
03	90
04	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая Горькие травы. Кн. 2. Священный метод

© Эльтеррус И., Белецкая Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Scio me nihil scire.

Я знаю, что ничего не знаю (лат.)

Пролог

«Паук» перелез через высокий бруствер, поросший мелкой молодой осинкой, и двинулся по просеке в лесополосе, идущей вдоль второго уровня подъема. Агат после бруствера слегка расслабился – он не ожидал, что всё получится так легко. В прошлый рейд «паук» застрял, зацепился одной из трёх основных рабочих лап за дерево. Пришлось вылезать, брать топорик, подрубать осинку. Страшно было, не передать! Хотя, если подумать, чего бояться? До восемнадцатой точки полтора километра, ничего бы не случилось. И не случилось. Но всё равно...

Тса-ди-ки, тса-ди-ки, тса-ди-ки, тса-ди-ки – стрекотали механические ноги «паука». Агат прибавил скорость. Машина выдержит, не первый раз он именно на этом «пауке» выезжал в патруль. Чем быстрее сделаешь положенные четыре круга, тем быстрее домой отпустят. Не сказать, что домой хочется, но всё-таки дома лучше, чем в патруле. Дома есть свой угол, новый, в кредит взятый модный терминал, классная игрушка-симулятор, и, может быть, Владка напекла блинчиков – мать обещала, что поучит её, как правильно. Владка, конечно, дура. Но хотя бы симпатичная. Стало вон вообще Хорошка досталась, а Хорошка мало что дура, так еще и уродина длинноногая.

Плохо другое. Дома – младшая сестра, которой три меся-

ца. Мать, хитрюга, решила дотянуть до сороковника, потому и родила. Пока девке не исполнится четырнадцать, здрасте пожалуйста, не заберут. Ни мать, ни папахена. Оно, конечно, с одной стороны, хорошо – мать Агат любил, но с другой – житья же никакого нету! Дома с утра до ночи писк и визг, памперсы вонючие, и вся семья вокруг Анютки на полусогнутых.

Агат уже получил месяц назад люлей на приходе за своё отношение к сестре. Почему-то с двумя младшими братьями у него такого не было, а с сестрой получилось. Он на исповеди признался Отцу, что его раздражает слово «окормлять», да еще и на сестру перевел. Мол, противно смотреть, как мать её окормляет. Сует в рот своё вымя, и давай окормлять. Получил он в результате от Отца так, что мало не показалось. Выяснилось, что слово «окормлять» происходит не от слова «кормить», а от слова «корма», и означает это – направлять на истинный путь, а вовсе не кормить ребенка грудью. Потом Отец спросил, что это за мерзкие связи у него, Агата, получаются – и Агат, конечно, признался, что не нравится ему сестра. Ну а как было не признаться, исповедь же... В общем, получил действительно сполна. Мыл потом полы в храме неделю и в приход отдавал не десятину от дохода, а пятую часть. Нет, он понимал, что наказали его верно, но всё равно было обидно.

Тса-ди-ки, тса-ди-ки, тса-ди-ки, тса-ди-ки... Теа. Ди. Ки. Теа... Ди... Ки... Теа. Агат остановил «паука», вытянул на

панели турбо рычаг. С лязгом вышли из ниш остальные пять ног машины. Агат занес было руку над стартовой кнопкой, но, секунду помедлив, опустил. Молитву надо прочесть.

Страшно.

Держись, парень. Полкилометра проскочить, и нормально. Держись. Ты же взрослый уже, тебе почти тринадцать. Не сопляк семилетний. У тебя дома и мать, и отец, и жена, и братики, и даже дура эта, Анька сопливая с раззявленным ртом и тупыми бессмысленными глазами... ох, не думай ты про это, Агат, не думай, а то потом на исповеди расскажешь, и получишь еще одно наказание, а Владка хотела новый диван взамен старого, а если накажут, то диван не купишь, придется еще два месяца откладывать.

– Всеблагий, пронеси... – прошептал Агат. – Не дай пропасть, Всеблагий. Отведи, прошу...

Теа... «Паук» приподнялся на восьми многосуставчатых ногах и тихо двинулся вперед. Тса-ди-ки-та, тса-ди-ки-та, тса-ди-ки-та, тса-ди-ки-та, стрекотали ноги с одной стороны, по-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, вторили ноги с другой. «Паук» покачивался, как лодка на мелкой речной волне, Агат, вцепившись в два рычага управления, напряженно всматривался в подлесок, в два световых конуса, выбрасываемых перед ним фарами «паука». Тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста, тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста...

Восемнадцатый участок. Это там, где остров заканчивает-

ся, выходит к реке, к смычке старого русла и нового. Там же разворот, просека пойдет влево, по берегу, вдоль бетонного полуразрушенного забора, выходящего на болото, и никому не нужного, потому что никто, в своем уме находясь и Всеблагому помолившись, туда не сунется.

Кто вообще в своем уме сунется в зону, в Московский треугольник?

Хотя он же, Агат, сунулся. И куча парней-ровесников тоже. Жрать-то что-то надо. Семьи кормить надо. А тут хорошо. Всё хорошо. И зарплата, и патруль, и времени свободно-го много.

Вот только есть такая штука, как восемнадцатая точка.

На которой может размазать ровным слоем, как джем по блинчику, вместе с «пауком». На которой не работает электроника. На которой ни с того ни с сего пропадает то гравитация, то кислород, то еще незнамо что.

Из-за восемнадцатой точки в Московский треугольник электроника не допускается. У «пауков» управление чисто механическое, и берут в патрули поэтому только сильных парней, которые могут и с рычагами управиться, и с техникой дружат, и голову имеют на плечах неглупую.

Агата мать в патруль пристроила. Уже шесть месяцев как.

– Я беременная, – по-деловому сообщила она. – Деньги нужны. Гатка, бери паспорта, свой и Владкин, и поехали к заводу. Я там договорилась.

Дала небось кому-то, мрачно подумал тогда Агат. Хотя

кому она нужна, старуха? Матери было двадцать шесть лет, уже пожилая. Хотя немолодые мужики тоже небось хотят... сладенького.

У него со сладеньким ни черта пока что не получалось. Он и к врачу сходил, и Отцу пожаловался. Врач, зачуханный мужик лет двадцати с хвостиком, сунул Агату пластинку с фильмом «О любви семейной, пособие», а Отец сказал, что Всеблагий подскажет, что делать. Ничего не помогло, ни фильм, ни Всеблагий. Владка только хихикала, что ей щекотно, а мать из-за стенки наорала, что они шумят, а ей вставать в шесть утра.

Ему самому было не щекотно и не смешно. Противно и страшно. В общем, утром он сказал Владке, что надо, видимо, еще подождать. Той, как всегда, оказалось всё по фигу. Она, правда, сказала, что в тринадцать не худо бы уже как-то определиться с первым маленьким, чтобы к четырнадцати родить, но Агат был умный и сказал, что «давай сначала до тринадцати подождем». Теперь они вместе или просто спали, или резались на терминале в игрушки. Ничего, еще месяцев пять в запасе есть. Целая вечность.

Тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста, тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста... Агат вытянул второй турборычаг. По-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, по-джаа-луц-ста, уу-ууууу, по-джаа-луц-ста – ноги стрекотали всё быстрее и быстрее, «паука» уже мотало, и не как лодочку, а как качели; Агат поспешно набросил ремни, и снова вцепился в рычаги,

да так, что костяшки пальцев побелели.

Всеблагий, не дай пропасть!..

Свет фар стал тонуть в туманной мгле впереди, словно в воздух перед «пауком» некто огромный вылил фиолетовые чернила. Агат рванул рычаг, скорость стала еще выше. По-джаа-луц-ста, поджаалуцста, поджаалуцстаподжаалуцста!.. Ни в коем случае не дать «пауку» повернуть, сбиться с курса – влетишь на такой скорости в обломки забора или в реку, и пиши пропало, ты пристегнутый, а вода ноябрьская, ледяная, потонешь на раз. Или разобьешься, потому что скорость больше ста километров в час, и если со всей дури в бетонный забор, то костей не соберешь... и за тобой никто не придет. Лежит там, под забором, десяток «пауков», некоторые даже с пилотами внутри.

Тьма сгущалась вокруг «паука» уже не как чернила, а как густой вязкий кисель. Агат чувствовал, что точка пульсирует, словно там, во тьме, бьется невидимое гигантское сердце, бьется, трепещет, дрожит. Проскочить! Проклятье, только бы проскочить!.. В кабине уже воняло горелой смазкой; лапы стрекотали бешено, а Агат уже не разумом, инстинктом осознал, что совсем скоро надо будет тормозить, чтобы развернуться. Он не первый раз проходил восемнадцатую точку. И даже не десятый. У него получалось, его ставили на этот маршрут. Обычно ставили ребят постарше...

По-джаа-луц-ста, поджаалуцста, по-джаа-луц-ста, поджаалуцста – Агат чуть снизил скорость, стараясь не задумы-

ваться, почему свет фар машины вязнет в фиолетовой густой мгле, потом скинул один турбо до нуля, потом двумя ногами нажал на тормоз и затем выполнил фокус, который показал ему когда-то Стас и который он усвоил в совершенстве: разворот до полной остановки. Правый рычаг – полностью вперед, левый – до предела назад; «паук» выполняет балетный пируэт, затем делает исполинский шаг всеми правыми ногами, выходя на нужную траекторию. И – марш! Бегом отсюда, машинка! «Паук», кажется, не против – десять секунд, переход на турбо, и долгожданное – поджаалуцста, поджаалуцста, поджаалуцста, поджаалуцста!!! Бежим! Мы бежим! Мы вырвались, мы спаслись!..

...Жалко, что Стаса и Вита забрали. Когда они в один прекрасный день не пришли на работу, Агат имел глупость спросить у Отца: почему? Отец дал ему затрещину и объяснил, что это не его, Агата, дело. Позже Стадь сказал, что они курили. Табак? – изумился тогда Агат. За табак не забирали. Штрафовали, ругали, могли на приходе высечь – но не забирали. Безмозглый ты, ответил тогда Стадь. Нет, не табак. «Дуру» они курили. А за «дуру» сам знаешь, чего положено.

Агат знал чего. И знал, что ни он, ни кто-то еще больше никогда ни Стаса, ни Вита не увидит. И что и сына Стаса, и близнецов Вита теперь будут проверять всю жизнь: а ну как переняли от отцов склонность? По шестнадцать лет было Виту и Стасу, взрослые мужики вроде бы, и вон как ссыпались... Плохо, что так вышло. Что они оказались такие глу-

пые. Для чего они вообще потянулись к «дуре»? И свои жизни погубили, и детей своих.

Но всё равно почему-то их жалко.

Тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста, тса-ди-ки-та, по-джаа-луц-ста... Машина двигалась всё медленнее, затем Агат остановил «паука» и вернул турборычаг в положение «ожидание». Подождал, пока «паук» втянет пять лап, отстегнулся, вытер мокрый лоб рукавом. Всё, можно ехать дальше. Первый круг есть.

За сегодняшний день ему предстояло пройти точку номер восемнадцать еще три раза...

Часть I

«Азимут»

01

«Альтя» – Сосновый Бор

Оттепель

– Я требую вызвать Огдена! Требую, слышите!!! Рыжий, не лезь ко мне, отвяжись!..

– Давай ты хотя бы поешь, – примирительно попросил Скрипач. – Ри, ну правда, а? Десятый день на одной воде, неправильно это.

– Я не буду ничего есть, пока эта тварь не расскажет, что сделали с Ромкой и Джесс! Ты слово «голодовка» знаешь?

– Знаю, – Скрипач покачал головой. – А еще я знаю слово «придурок». Ты в своем уме? Ты понимаешь, что этим ничего не добьешься?

– Это мы еще посмотрим, добьюсь или нет.

Скрипач грохнул на стол две коробки с рационами и рассерженно воззрился на друга. Ри ответил ему таким красноречивым взглядом, что слов не требовалось, – таким взглядом можно запросто убить. Скрипач pokrutil пальцем у виска.

– Хватит, а? – попросил он. – Гений, это уже не смешно. Это...

Первая коробка просвистела у Скрипача над головой, ударилась о стену, упала на пол, вторую он поймал и, не сдержавшись, швырнул в Ри. Промазал – тот успел дернуться в сторону.

– Вы чего тут делаете? – угрюмо спросил Кир, входя в каюту. – Ополоумели?

– Он первый начал, – пожаловался Скрипач. – Он кидается едой. Ри, перестань! Ты посмотри, на кого ты похож!..

Кир поднял с пола коробку, сел за стол, открыл, понюхал. Поморщился – видимо, в коробке лежало не совсем то, что он ожидал там увидеть, – вынул из бокового кармашка коробки ложку и принялся меланхолично перемешивать содержимое. Есть он, однако, не спешил.

– Где Ит? – неприязненно спросил Ри.

– С Илюхой занимается. Разбирают какую-то операцию, как я понял. – Скрипач тоже сел за стол. Отобрал у Кира ложку, запустил в коробку. – Ит мудрее нас всех, вместе взятых. Он истерик не устраивает. Он лечится работой. И правильно делает. Вот я доем и тоже туда пойду. Выловлю Олле и Заразу, пусть меня тоже поучат.

– И я, – поддакнул Кир. – Вместе пойдем, солнце. Не всем же впадать в маразм и закатывать истерики.

Ри сел на свою кровать, опустил голову на руки. За прошедшие десять дней, которые они находились на «Альте»,

он изменился разительно. Похудел, оброс щетиной; нечесанные, давно не мытые волосы, которые он по утрам кое-как собирал в хвост, всё равно торчали во все стороны. Одежда тоже выглядела ужасно – при виде друга Скрипач, например, брезгливо морщился. Ри не переодевался эти десять дней. И не мылся.

Мотыльки на третьи сутки сбежали от него к Киру, Иту и Скрипачу...

Ит, конечно, тоже пытался как-то усовестить друга и не раз просил его прекратить забастовку, но и Иту, как и всем другим, ничего поделаться с пилотом не удалось.

– Если бы тебя сейчас увидела Джесс, она бы... – начал он как-то, но Ри тут же его перебил:

– Она бы всё поняла. Вот вы, как я погляжу, не понимаете ни черта!

– Ну я, положим, понимаю, – осторожно возразил Ит. – Если ты не заметил, у меня тоже отобрали почти всё, что в жизни есть. Но я, извини, опускаться и превращаться в кусок дерьма не собираюсь.

– Если требовать, чтобы тебе дали информацию о семье означает превратиться в кусок дерьма, то я, знаешь ли, не против, – категорически отрезал Ри. – Значит, буду дерьмом.

– Как хочешь, – покачал головой Ит.

Информации о похищенных официалкой родных у них не было.

Никакой.

И, что самое удивительное, куда-то пропал Огден, а всё остальное руководство Службы, которого на «Альтее» было в избытке, их просто тупо игнорировало. Заблокированный «Ветер» стоял в одном из шлюзов; а им были предоставлены вполне приличные гостевые комнаты, еда, одежда, и... полная свобода передвижения внутри корабля.

– Мы бы вполне могли смыться, – констатировал Скрипач. – Но он знает, тварь, что мы не смоемся.

– Знает, – мрачно подтвердил тогда Кир. – Еще бы не знает...

* * *

Общаться им тоже можно было с кем угодно, поэтому на вторые сутки плена Ит рискнул и отправил запрос Илье. И неожиданно получил ответ – да, мы тут, подходите, конечно. Ну и пришли, втроем – Кир, Ит и Скрипач.

– ...бред какой-то. Ну и сволочи!.. Нет, ребята, я понял еще тогда, конечно, что всё с вами непросто, но...

– Когда понял? – мрачно спросил Скрипач.

– Когда вашу жену шарла цапнула.

– Угу, – кивнул Кир. – Понял, да не понял.

– Ты сейчас как? – спросил Илья. – Нормально?

– Нормально, – пожал плечами Кир. – Что мне сделается.

...Когда брали Джессику и детей, Киру достался выстрел из парализатора. Конечно, он, поняв, что происходит, попы-

тался защитить их троих, но даже он при всем желании и при всей подготовке ничего не смог поделаться с двадцатью официальными, десять из которых блокировали квартиру, а еще десять – брали. Обезвредить он сумел четверых, но потом... с пустыми руками против вооруженных много не навоюешь, особенно если учитывать, что противники подготовлены не хуже, чем ты сам...

– ...Илюх, там всё было не случайно. И шарла была не случайно, как мы сейчас поняли. Берту и нас спровоцировали, им было нужно, чтобы она попала в портал и показала свой метод работы. Она и показала. И «Рэй» тоже был не случайно, и... черт! – Ит потряс головой. – Да, Огден был прав, когда сказал, что мы потеряли класс. Мы его действительно потеряли. Нас почти три года водили, как собаку на веревке, а мы и не думали даже, что это всё... ну, вот так.

– Да не хотели мы никакого класса больше! – взвился Скрипач. – Мы хотели работать! Стать врачами! Жить... честно жить, по совести! И...

– Слушай, перестань орать, – попросил Илья. – У меня от тебя голова уже болит.

Сейчас они сидели в комнате Ильи, на столике перед диваном остывал чай, про который все в процессе разговора забыли, а за окном, из порталов Сети Ойтмана, выходили всё новые и новые боевые сапорты официальной службы – планету ставили в полный карантин.

В ближайшее время на Земле-п кое-что произойдет, обя-

зательно произойдет. Упадут в океан несколько потенциально опасных официалке спутников-шпионов, которые теоретически могут засечь окружающую планету корабли. Будут свернуты некоторые космические программы, по совершенно разным причинам – нерентабельность, например, или что-то в этом роде. Случится какое-то количество локальных войн, на самом деле – отвлекающие маневры, чтобы население было занято чем-то, что безопасно для проекта. Позже пойдут в ход религии – потому что надо отвлечь еще и демиурга. И через пару лет Земля-п будет изолирована практически полностью, потому что ей предстоит работать удобным постоянным плацдармом.

Плацдармом для проекта «Азимут».

Ведь неизвестно, сколько времени займут расчеты и сколько лет мир будет нужен службе после завершения этих расчетов. Может быть, десять. Может, сто. А может, тысячу – сейчас они запланировали одну экспедицию к Терре-ноль, но неизвестно, сколько их всего понадобится.

– То есть, если я правильно понимаю, они хотят для чего-то использовать вас? – полуутвердительно спросил Илья.

– Ну да, – кивнул Ит. – Мы резонансные двойники метапорталов Терры-ноль. Ри, Джессика, оба Мотылька, рыжий, я.

– А как это вышло? – Илья прищурился.

– Понятия не имею, – признался Ит. – Илья, правда! Мы не знаем. Как-то вышло.

– И на Терру-ноль первым попал ты?

– Ну да.

– И вы с Бертой начали этот проект?

– Илья, сколько можно спрашивать одно и то же? – рассердился Кир. – Да. Да, да, да. Всё именно так.

– Очуметь можно. – Илья потер ладонями лицо. – Что ж вы раньше-то молчали? И почему в госпитале тогда не рассказали всего?

– А зачем было про это говорить? – Ит пожал плечами. – Вот тебе лично – для чего эта информация нужна?

– Господи... не знаю, если честно. Наверное, можно было бы что-то придумать. Чтобы вы сбежали, например.

– Мы бы не сумели, – покачал головой Скрипач. – И, по моему, мы тебе подробно объяснили почему.

– Не убьют они ваших? – с тревогой спросил Илья.

– Не должны, – в голосе Ита звучало сомнение, и только сам Ит в тот момент знал, скольких сил ему это сомнение стоит. – Они ведь заложники. Они нужны для того, чтобы работали мы.

– В качестве кого работали?

– Понятия не имеем.

– Вот что, народ. – Илья встал, прошелся по комнате. – Значит, так. В любом случае – и я сам, и «Вереск», мы на вашей стороне. Чем сумеем – поможем.

– Ничем вы не сумеете помочь. – Кир опустил голову. – Илья, не вмешивайся в это. Целее будешь.

– Посмотрим, – туманно ответил тот. – Разберусь, не мальчик, чай. Чем смогу – помогу. По обстоятельствам.

– Спасибо, – Ит слабо улыбнулся. – Слушай, если ты действительно хочешь помочь, поучи нас, что ли. Я давно для себя понял, что самое лучшее средство от больных мозгов и нервов – это работа. И чем её больше, тем лучше. Огдена тут нет, как мы поняли, без него ничего не начнется. А у нас не сдан курс. Ты не против?

– Только за, – Илья покивал. – Верно мыслишь. Хорошо, подходите завтра, поработаем этот курс.

* * *

Разумеется, все отлично понимали, что именно потребует от них Огден, когда вернется, – просто не хотели озвучивать эту правду Илье. Расчеты. Расчеты, и только расчеты. И, видимо, реакция здешних порталов на них самих. Кир недоумевал – почему Огден велел вывезти Джессику, ведь, согласно их нынешней теории, она была бы более чем полезна здесь, а не в качестве заложника на Терре-ноль.

Но всё оказалось не столь просто.

Через неделю Ри с большой неохотой объяснил Киру, что они вшестером при всем своем желании ничего рассчитать не сумеют. Если поставить считать пару десятков искинов с кластерных станций, может, что и получится, да и то у него, Ри, есть большие сомнения на этот счет.

– Несопоставимо, – объяснял он Киру. – Кир, это бесконечная рекурсивная функция. Теоретически – им нужны точки экстремума. Ага, именно что в рекурсивной функции. Может быть, они решили, что она не бесконечна. Я... я не знаю, как и что они хотят сейчас считать. Помнишь, Берта говорила про миры-матрешки, про бусины на нитке и прочее, да?

– Да.

– Так вот это она и есть. Утопия – максимальная точка экстремума, Тлен – минимальная. То есть у меня получается пока что так, а на деле... Кир, я не знаю. Не знаю. И что нам делать, тоже не знаю.

...На десятые сутки в комнату Ри пришла половина «Вереска». Илья, увидев, в каком состоянии находится пилот, обозначил своё отношение к ситуации в таких выражениях, что уши заткнул даже Зараза.

– Так. Иди в ванну, – приказал Илья. – Бегом, пока я тебя не взгрел по морде! Потом – жрать. Рот закрой, свинья вонючая! Мужик, называется!.. Да ты не мужик, ты тряпка ссаная, и ведешь себя, как тряпка, и воняешь, как тряпка! Пошел, сказал!..

– Слушай, не лезь не в своё дело... – начал было Ри, но договорить ему Илья не позволил.

– Это ты послушай! – рывкнул он. – Ты этому Огдену хочешь показать, что он тебя порвал, что ли? Что он чего-то

сделал, а ты всё, сдуся? Лапки поднял и готов? Да?! Так, всё. Иди мыться, а то от тебя воняет так, что нас тошнит уже!

– Вот это правда, – покивал Зараза. – Ри, не позорься. Не доставляй этим мудакам такое удовольствие. Огден будет рад узнать, что тебе так мало требуется, чтобы развалиться на части.

– Вот! Что и требовалось доказать, – покивал Скрипач. Они все вместе стояли в дверях и наблюдали за уговорами со стороны. – Иди, иди. Действительно...

...Часом позже Ри сидел за столом, ковырялся ложкой в коробке с какой-то непонятой местной кашей и с угрюмым выражением на лице слушал рассуждения Ильи о том, что тут, на «Альтее», будет происходить дальше. Илья, как выяснилось, был неплохо осведомлен, и послушать его было интересно.

Кир, Скрипач, Ит и оба Мотылька расселись кто где, а Олле с Заразой, которые решили остаться вместе с Ильей «для моральной поддержки», сейчас сидели по обеим сторонам от Ри и тоже что-то ели – видимо, из солидарности с пилотом. Дослав, Руби и Поль ушли – когда Ри удалось уломать на мытьё и кормежку, они сочли свой гражданский долг выполненным и удалились к себе – по словам Дослава «предаться ничегонеделанию».

– ...В общем, как я понял, непосредственно нас собираются переводить на Терру-ноль, – объяснял Илья. – Как? Нет, Ри, не сказали. Я так понял, что «Альтея» или пойдет в

экспедиции к Терре, или пойдет туда, откуда можно на Терру-ноль попасть.

– Куда? – вяло поинтересовался Ри. – И когда?

– Вот этого пока что не знаю. Может, через год, может, через месяц. Я, конечно, заявки буду подавать, не люблю, когда состав в простое, но...

– Но от тебя ничего не зависит, – закончил Скрипач.

– Именно так.

– Илья, ты сам себе противоречишь, – заметил Ит невзначай. – Простоя можно избежать, подав заявку куда-нибудь еще. Для чего тебе Терра-ноль понадобилась?

Илья искоса глянул на него и чуть заметно усмехнулся.

– Догадливый ты, – хмыкнул он. – Ну ладно. Мне интересно. У меня хорошая репутация, у меня хороший коллектив, я люблю миры низких уровней, и мне действительно интересно. А там война.

– И они взяли твою заявку? – Скрипач повернулся к Илье.

– Взяли, – пожал плечами тот. – Причем парную. «Иву» и нас.

– «Иву»? – несказанно удивился Кир. – Seriously?

– Seriously. А что? Я так понял, что там действительно большая война и что парные госпитали там работают точно так же, как и везде, – пожал плечами Илья.

– Королева, больше некому. – Ит покачал головой.

– Что – королева? – не понял Илья.

– Огден идет на поводу Её Величества, скорее всего – из-

за флота, а Её Величество – женщина очень непростая, – Ит задумался. – Ладно. Заявка так заявка. Всё равно это явно не сейчас.

– Что не сейчас – точно, – согласился Илья. – Так, Ри. Поел? Доедай давай. И пойдем, прогуляемся к нам.

– Для чего? – спросил тот, отставляя коробку в сторону.

– Хочу посмотреть, чего ты с организмом начудить успел за эти десять дней. Может, чем полезным угощу. – Илья встал. – А вам троим пока что задание по курсу: будете считать на скорость периоды полувыведения по формулам из девятнадцатого раздела, дополнения по диализу дам каждому индивидуально, и...

– Опять в голове?! – Скрипач поник.

– Да, опять в голове! Не в голове любой идиот сможет, а в поле, на первом-втором уровне налобники не используются! Не лениться, рыжий. Сами просили?

– Просили, – кивнул Ит. – А потом?

– А потом вы мне это сдадите, я вам дам по мозгам за ошибки, и будете переделывать. Потому что с первого раза не получится, сто процентов.

– Совсем хорошо, – проворчал рыжий. – То Фэб, то этот вот...

– Многое бы я отдал за то, чтобы тут был Фэб, – беззвучно произнес Ит.

– Извини, – Скрипач опустил голову. – Ладно. Давайте работать, ребята.

Огден появился на двадцатый день их пребывания на «Альтее». Ри к тому времени успел взять себя в руки, собраться и морально подготовиться к предстоящей борьбе. Остальные – тоже. Ит, Скрипач и Кир ходили к Илье каждый день заниматься: они решили сдать курс, который не успели выполнить в госпитале. И сдали, аккуратно за день до появления Огдена.

Труднее всего пришлось Мотылькам. Вот уж кому, а им оказалось совершенно некуда себя девать, мало того, у них почему-то отобрали летающую платформу, а сидеть взаперти целыми днями – не самое веселое дело. Тринадцатый злился, Брид постоянно ворчал. За корабль они, разумеется, тоже волновались – мало ли что «этим идиотам» придет в голову? Да, конечно, «Ветер» Ри заблокировал, но всё равно – страшно. Любую блокировку можно обойти, и потом попробуй восстанови все настройки, которые они, мастера проходов, годами затачивали под себя...

...В день появления Огдена Ит снова был у Ильи – уже третий час они вдвоем оперировали «вирта», имитационный тренажер, который создавался под какую-то задачу и «вел себя» в точности как настоящий больной. На этот раз «вирту» крупно не повезло – Илья выбрал имитацию сочетанной

травмы, причем сложную. Ит уже в который раз за сегодня допустил ошибку, спутав приоритетность, и сейчас Илья эту ошибку исправлял, попутно объясняя Иту, что именно он сделал неправильно.

– Пользуйся подсказками, – советовал Илья. – Я этого пока что не запрещал. Ты изначально выбрал правильный метод, но потом сбился и запаниковал. Почему запаниковал?

– Потому что решил, что уходит свой объем крови.

– Правильно. Уходит. И что? «Вирт» у тебя уже на системе, поэтому никакой реакции на клеточном уровне не будет – он подключен. Почему ты не посмотрел, что даже при изменении объема картина не меняется, и система тебе ничего не говорит? И почему пошел не на приоритетную травму, а на ногу?

– Вот поэтому и пошел! Блин, действительно... – Ит выпрямился. – У него сейчас объем своей к заменителю – сорок процентов. Даже больше. Объем от общего... минус пятьсот пятьдесят, потерял много, но не критично. Восстановление – по графику. И...

– И у тебя в запасе еще полчаса. Ниже десятки по своей крови ты всё равно его бы не уронил и, следовательно, до парадоксальной реакции бы не довел. Так, давай на сегодня всё. – Илья поднял налобник. – Потом, на досуге, глянь повтор того, что делали сегодня, и проанализируй ошибки.

– Сделаю, – кивнул Ит, тоже поднимая налобник. – Илюш, прости, я что-то... нервничаю. Вот и не получается.

– Учти, что получаться должно всегда, вне зависимости от нервов, – строго сказал Илья. – Права не имеешь, чтобы не получалось. Сам же знаешь.

– Знаю, – Ит покачал головой. – Я просто... Фоба вспомнил, и... – Он осекся, махнул рукой. Илья вздохнул, махнул рукой над столом – «вирт» растаял.

– Понимаю. Очень хорошо понимаю. Но тем не менее и ты пойми правильно. Всякое бывает. И такое. И другое. И еще хуже. Но на столе у тебя будет не обманка, как сейчас, а кто-то живой. И он не должен пострадать из-за того, что тебе плохо.

– Всё так, – согласился Ит. – Илюш, это последний раз. Больше такое не повторится. Клянусь, чем хочешь.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Илья. – Не зарекайся. Чаю хочешь?

– Да нет, я к своим пойду. – Ит снял налобник. – Потом. Может, вечером?

– Приходите тогда все вместе, – предложил Илья. – А то Ри до сих пор как неродной.

Ит хотел спокойно пройтись, но по дороге к нужному уровню его вызвал Скрипач и сказал, чтобы он, Ит, «немедленно шел домой, потому что гости пожаловали».

Пришлось пробежаться.

К общему лифту Ит рванул в ускоренном режиме.

– Ну что? Заскучали? – Огден с улыбкой смотрел на Ри. – Волнуетесь? Правильно. У вас для этого есть все основания.

Общую комнату за эти двадцать дней они перделали под себя, так, чтобы каждому было удобно. Общий стол, десяток стульев, несколько кресел «у окошка», здоровенный диван – Кир любил читать лежа, а если он ложился, места на диване не оставалось больше ни для кого. Стены сделали приятного медового оттенка, дизайном в этот раз занялись Мотыльки, и комната в результате выглядела замечательно – спокойная, уютная, «домашняя».

Огден, разумеется, расселся с царским видом на одном из кресел, развернув это кресло так, чтобы видеть остальных участников беседы. С ним пришли двое боевиков, но боевиков он, к вящему удивлению Ри и Кира, отослал прочь.

– Ничего вы мне не сделаете, – сообщил он, когда за боевиками закрылась дверь. – А если сделаете... сами знаете, что будет.

Кир оскалился, но промолчал. Ри смотрел сейчас на Огдена неподвижным тяжелым взглядом, ожидая продолжения.

– Где еще четверо? – брезгливо спросил Огден, оглядываясь. – Эй, куколки! Особое приглашение требуется?

Тринадцатый, не торопясь, вышел из комнаты и вопросительно посмотрел на Огдена.

– А зачем мы понадобились? – с вызовом спросил он.

– Свежая новость. – Огден засмеялся. – Змеиный Остров вы, я так понимаю, отменяете волевым решением? Да ну. Пилот, где оба термо?

– Уже идут, – сообщил Ри. – Скрипач тренировался, Ит учился.

– Образцово-показательные алкоголики. Хорошо, ждём. А пока мы ждём, я, пожалуй, кое-что поясню. – Огден сел поудобнее. – Итак, порталы наши, консервация планеты начата, ученые уже работают. Ри, ты думал, что тебя попросят принимать участие в расчетах? Оптимистично. Тут без вас есть кому этим заняться.

– Тогда зачем нужны мы? – удивился Кир.

– Вот непосредственно ты, как мне кажется, вообще неза чем... О, а вот и первый алкаш пожаловал. Скрипач, присаживайся, разговор предстоит долгий.

Рыжий медленно глубоко вздохнул, потом подошел к столу и сел за него, чинно сложив перед собой руки.

– Ит сейчас подойдет, – вполголоса сообщил ему Ри, сядя рядом.

– Угу, – кивнул Скрипач, глядя на Огдена. – Я уже понял. Так что же мы будем делать, если не считать?

– Ну, считать вы тоже, конечно, будете, но нас интересует другое. Как данные порталы будут реагировать на каждого из вас. Мы хотим собрать пары, понимаете? Даже одна пара дала бы нужный результат.

– Какой результат? – Ит стоял на пороге комнаты и неприязненно глядел на Огдена.

– Явился, – констатировал тот. – Пара должна образовываться из одного из вас тут, на Земле-п, и одного из вас там, на Терре-ноль. Комбинаций, как вы понимаете, получается достаточно. Потом...

– Огден, у вас ничего не получится, – Ри поднял руку. – Это абсурд. И потом, для чего это нужно?

– Импульс. Дополнительный импульс, новые данные.

– Бред!

– Не бред, – тут же возразил Огден. – Я не математик, поговорите потом с научной группой, всё поймете. Нужны три импульса...

– Уже три? – ехидно спросил Кир.

– Разумеется. Импульс отсюда и импульсы максимального и минимального экстремума. Так вот, в вашу задачу входит создание импульса здесь, и... да, вам придется прогуляться, но вот куда – я пока что не знаю.

– Где мой сын и моя жена, гадина? – спросил Ри. Он сидел за столом, намертво сцепив руки, и смотрел на Огдена так, что от этого взгляда делалось страшно.

– На Терре-ноль, конечно, – пожал плечами тот. – В Москве. Ответ устраивает?

– Нет, хотя бы потому, что это не ответ, – Ри прищурился. – А если я скажу, что мы не будем работать, пока они все не вернутся сюда?

– А тогда я прикажу убить вот его, – хмыкнул Огден, кивнув в сторону Кира. – Для меня он ценности не представляет. Только для вас. Поэтому, собственно, я его с вами и оставил.

– Понятно, – Ит кивнул. – Ри, не начинай. Мы так можем только навредить – и Ромке с Джесс, и нашим.

– Вот! – Огден наставительно поднял палец. – Верно, верно. Так, теперь по делу. Завтра вы отправляетесь с научной группой в портал...

– В какой?

– Они пока что решают, в какой именно.

* * *

То, что Огден лжет, было понятно всем, причем с первой же минуты. То, что он говорил, не имело к реальности никакого отношения, это был какой-то околонаучный бред, полная белиберда. Ри для себя сделал неожиданный вывод – видимо, Огден сам не понимает, какой метод собираются использовать его же ученые, или же понял что-то, но неверно, неправильно.

Метод, метод... Что же тут может быть за метод – на самом деле?

Глубокой ночью Ри выбрался из своей спальни в коридор, миновав общую гостиную, и принялся бродить взад-вперед, рассеянно глядя в длинное панорамное окно. Планеты отсюда не видны, а звезда похожа на небольшой пушистый ша-

рик. И корабли. Тысячи ожидающих кораблей...

Так что же это всё-таки за метод?

Мысли разбегались – очень трудно было думать о математике. Да какое там «трудно», практически невозможно. Перед глазами постоянно возникали лица – их лица. Ромка, Джесс... Их последняя поездка на залив, и живой огонь, пляшущий на сухом плавнике, который собрали у воды, и Ромкина рука с веточкой, на которую насажен хлеб, и Джессика, отдающая Джею кусочек колбасы, и сам он, Ри, с немым обожанием и совершенно детским восторгом смотревший тогда на жену и сына...

Вашу мать, господа официалы, да что ж вы делаете!..

Ненавижу.

Внутри мутной черной волной поднимался бессильный и бесполезный сейчас гнев. Ри остановился, треснул по стене кулаком – его душила ярость.

Будьте вы прокляты, твари!

Чтоб вас разорвало всех...

И всё-таки. Если попробовать отвлечься от эмоций и рассуждать логически. Если отбросить весь этот бред, который нес Огден, и если подойти к вопросу...

Стоп!

Ри замер.

Метод – не один. А Огден озвучил лишь часть одного! Он озвучил ровно то, что был способен понять, а на самом деле...

Так.

Первое – Берта правильно сказала про матрешек и сделала правильный вывод про Утопию и Тлен, это действительно максимальный и минимальный экстремумы. Землю-п мы берем как нуль в системе координат, или нет, она всё-таки не нуль, она – отметка, допустим, на оси У... вот теперь правильно. Проще надо быть, гений чертов, проще. Вот теперь сходится! В голове у Ри возникла трехмерная сетка, он мысленно расставил в ней три объекта, каждый – на своей оси.

Что у них в системе будет исходной точкой? Где находится нуль? Где сходятся воедино эти оси? Терра-ноль, по их мнению, является как раз нулем, или она будет некоей точкой в многомерном пространстве, на которую указывают... реальная Земля-п, и гипотетические Тлен с Утопией?

Стоп-стоп-стоп.

Каким образом это всё увязывается еще и с нами?

Такие масштабы, что голова начинает болеть, подумалось Ри. Что мы можем означать в этом уравнении?

– Они не знают, – беззвучно произнес голос в голове у Ри. – Они сами не знают. Ри, это я, искин, и у меня есть минута, всего минута. Я с большим трудом сумел сюда вернуться. Они не поймут, что я тут был. Слушай, это очень важно. Вслух ничего не произноси.

Ри едва заметно кивнул.

– Потребуйте помощь. Потребуйте! Немного потяните время, а потом требуйте! Ссылайтесь на то, что ни вы, ни

их научная группа не сумеют справиться. Это действительно так, вы не рискуете ничем, если станете требовать. Ты понял?

«Я-то понял, но о какой помощи ты говоришь?»

– Вы им тоже поможете, – туманно объяснил искин. – Больше мы ничего не можем для вас сделать. Ни мы, ни они.

«Кто – они?»

– Никто, Ри.

«Я понял метод правильно?»

– Мне кажется, что да. Но я тоже не могу ответить на вопрос, про который ты думал раньше. Как именно искать и что является нулем в системе. Ри, я ухожу. Если сумею зайти еще раз... это будет чудо. Удачи!

«И тебе удачи».

Ри побрел обратно в комнату. Сел в общей гостиной, сделал себе чашку чая. Что же получается?... Допустим... Сод, Апрей, Земля-п, и еще два мира – всего пять, так? И плюс Терра-ноль? Официалка рехнулась и решила выстроить сиур Терры-ноль, которая, как всем давно известно, не является частью никакого сиура?

Тоже бред.

Хитер Огден. Ох, хитер.

Он очень хочет, чтобы мы нашли дорогу на Терру-ноль, и он учредил всё так, чтобы мы сами искали туда дорогу. Инстинкт, да?

Его метод – это мы.

Наша семья...

И то, что он назвал пентаклем – но это уже про ребят и Берту.

Господи, помоги нам всем. Бедная моя Джессика, бедный мой мальчик... Бедная Берта, и бедный Фэб... Я на самом деле не знаю, есть ли ты, Господь, но я всё равно буду просить. Мне кажется, что ты – есть. Но ты совсем не такой, каким ты видишься тому же Фэбу или Берте. Ты – безлик. Ты равнодушен. Тебя не интересуют наши игры, а если ты нам и помогал (много лет назад показалось, что всё-таки помогал), то ты делал это не сам, не своими руками. Те же Сихес, например... или еще что-то...

Но я всё равно буду просить – тебя, безликого, молчащего, равнодушного. Просить – за них за всех, потому что ни о чем другом просить я не имею права, и больше просить мне некого.

И еще – я не могу сейчас сделать ничего другого.

* * *

Зима мелела. Зима истончалась, как льдинка под солнцем. Зима уходила. Было еще холодно, но всё равно во всём, что сейчас их окружало, чувствовалось некое неуловимое движение – мир начинал просыпаться. Зимний сон его шел сейчас рябью, легким ветром; качались над потяжелевшим снегом упругие февральские тени, а скоро, уже совсем скоро начнет таять лед на озере и на заливе, а потом исчезнет снег,

и в один прекрасный день произойдет чудо – мир очнется, стряхнет с себя сонную одурь, и...

– Вот о чем я жалею, так это о том, что мы не умеем летать. – Скрипач поплотнее запахнул куртку, поежился. – Нет, не на катере или чем-то таком, а так... по-настоящему...

– Аарн умеют, – пожал плечами Ит.

– Нет, не так. Там крылья. А я хочу... чтобы можно было оттолкнуться ногой, и – туда. В небо.

– Кто ж этого не хочет, – Ит слабо улыбнулся. – Ри, долго нам тут стоять?

– Я почему знаю, – сердито ответил Ри. – Брид, вы там нормально?

Оба Мотылька, разумеется, сидели в сумке, которая висела у него на плече.

– Нормально, – приглушенно ответил Брид. – Чего нам сделается...

– Как же тут противно пахнет, – пожаловался Тринадцатый. – И ведь такое в каждом портале... кошмар...

– Придется потерпеть. – Ит, привстав на цыпочки, разглядывал что-то вдали. – О, вон они. Высаживаются...

Их группу в портал рядом с Дубенским озером отвезли первой, открыли темпоральную капсулу, высадили – и корабль тут же ушел. Сейчас ждали ученых. Оказывается, научная команда находилась не на «Альтее», а на каком-то другом корабле. Ждать пришлось долго, почти полчаса. Побродили по portalу, посмотрели. Чистильщики тут поработа-

ли на совесть, в портале не осталось действительно ничего – ни обломков, ни оружия, ни следа погибших. Ровная черная земля, слегка припорошенная недавним снегом. Не зная о том, что тут происходило почти три года подряд, можно подумать, что тут максимум – что-то сторело. Но... Все знали, что работа чистильщиков в портале отнюдь не закончена. Портал приведут в первозданный вид перед тем, как снимут капсулу. Его откатят во времени, и к моменту отключения второго слоя капсулы тут будет расти старый лес.

И никто ничего никогда не поймет и ни о чем не догадается.

Потому что официальная служба не любит, когда кто-то о чем-то догадывается...

– Ри, я тебя очень прошу, не надо нервничать. – Скрипач стоял рядом с другом, придерживая Ри за локоть. – Ты же понимаешь, что это бесполезно.

– Я всё понимаю, но я не могу. – Ри опустил голову.

– Ри, я тоже не могу. – Ит повернулся к ним. – Но ты хотя бы вида не подавай. Обойдутся.

– Ит, не лечи меня, а? – попросил Ри. – Я всё отлично понимаю...

– Интересно, на кой тут я? – в пространство спросил Кир. – Вас-то ладно, понятно, почему пригнали. А я? Довесочек?

– Довесочек. – Скрипач ткнул Кира в бок кулаком. – Скь'хара, ты давай того, что ли. Потеше.

– Так я вроде бы вообще молчал...

– Вон, машут, – Ит поморщился. – Пошли?

* * *

– Почему у вас с собой нет коммуникаторов? – раздраженно спросил старший научной группы. – Как прикажете вас звать? Орать, что ли?

– Коммуникаторы у нас отобрали, – неприязненно ответил Ри. – Так что вопросы не к нам, а к Огдену.

Старший раздраженно засопел. Видно было, что он очень недоволен: на его лице, круглом, холеном, отобразилась капризная мина. «Еще губы надуй, – подумал Ри. – И будешь в точности похож на годовалого ребенка, у которого конфету отобрали». Старший, надо сказать, выглядел импозантно, даже с учетом того, что сейчас они находились «в поле». Красивая тёмно-синяя куртка, черные брюки, блестящие сапоги. Модник. Старший полез в карман своей роскошной куртки, вытащил коммуникатор. Такие коммуникаторы тут использовали все – полупрозрачная пластинка с небольшим утолщением сверху, размером с половину ладони. Конечно, они были предназначены не для местной связи, они были корабельными. Судя по тому, что старший отдавал приказы через этот коммуникатор, его «пас» кто-то еще более старший – видимо, распоряжения шли через какой-то корабль.

– Идиотизм... – проворчал он. – Так. Джани, выдай им

полевые «болтушки». Сейчас разойдетесь по схеме, по сегментам...

– И как мы увидим сегменты? – любопытствовал Скрипач.

– У вас что, и личных приборов нет, что ли?! Ну эти ваши, как их... Баба эта тут с таким же ездила. И для того же самого использовала. Вы в курсе.

– Налобники. Ничего у нас нет, – огрызнулся Ит. – Мы даже не знаем, как вас зовут. И понятия не имеем, что нам делать и зачем.

– Ну, «зачем» – это не ваше дело. А вот без приборов... н-да. Так. Так, так, так... Сегодня, собственно, мне нужны вот вы, – он ткнул пальцем в Ри, – и вы, – кивок в сторону Скрипача. – Вы пока что посидите, где скажут, – он коротко глянул на Ита и Кира. – Зовут меня Милтон Бонг, ну, по крайней мере, здесь и во время работы. Обращаться можете по имени, для меня это значения не имеет.

– Может быть, лучше будет «мистер Бонг»? – ехидно спросил Ит.

– Нет, не лучше, потому что это неправильно и потому что там я давно не живу.

– Но жили?

– И что с того? – Милтон недоуменно пожал плечами. – Я вообще-то с Апрея. И не «мистер», а «мастер», а уж если быть совсем точным, то «пастор».

– И давно ли вы оттуда уехали? – Кир прищурился.

– Давно, еще до Морока, если вы об этом, – Милтон рас­смеялся. – Я, знаете ли, редкий экземпляр, по словам Ог­де­на. Бывший пастор, который сам себе сумел промыть мозги от грязи и глупости.

– В чем же заключается глупость? – Скрипач склонил го­лову к плечу и с интересом посмотрел на ученого.

– Ну, хотя бы в том, что Бога нет, – засмеялся в ответ тот. – А то, что остается в сухом остатке, вполне себе поддается исчислениям. Доступно?

– Доступно. – Ит отвернулся.

– Священство обижается, – заметил Милтон. – Идите, уважаемый брат, вон туда. К аппаратуре. Тревис, вы тоже. И чтобы сидели тихо, и ни во что не вмешивались. Если потре­буется, позову. И не вздумайте попробовать свои агентские приемы! Предупреждаю – стрелять будем сразу. У нас есть из чего.

Ит слабо пожал плечами.

– Ну, стреляйте, – сказал он. – С Огденом будете потом отдельно разговаривать.

– Ребята, держите, – Ри протянул Киру сумку, в которой сидели Мотыльки. – Милтон, что нам нужно делать?

– Сейчас выйдете вон туда, это первый репер. Встать, ждать команды. Дальше по командам будете переходить по сетке.

Скрипач встревоженно посмотрел на Ита, затем перевел взгляд на Ри. Тот едва заметно пожал плечами.

– И что должно получиться в итоге? – спросил Ри.

– Пока что ничего, – ответил Милтон. – Что должно получиться – это не ваше дело. Вперед.

* * *

Ит и Кир сидели на земле, рядом с одной из колонн-активаторов. То есть сначала они стояли, с тревогой глядя на черное, едва припорошенное снегом поле, но потом, через час, поняли, что стоять нет никакого смысла. Скрипач и Ри переходили с точки на точку, подолгу стояли на одном месте... и всё. Научная группа расположилась на границе входа в портал, выставила на раскладные легкие столы с антигравитационными какую-то аппаратуру и занавесила пространство вокруг себя десятком приватных визуалов. Больше не происходило ровным счетом ничего.

– Пошли, посидим, – предложил Кир.

– Давай, – согласился Ит.

Ри и Скрипач сейчас были далеко, у другого края портала – ни словом не перекинешься, не спросишь, как дела. Остается только ждать.

– Ит, давай ты поспишь часок. – Кир сел на землю, расстегнул куртку. – Я же видел.

– Ох... – Ит сел рядом, тоже расстегнулся, пристроил на колени сумку с Мотыльками, прикрыл полую куртки. – Не знаю, получится ли.

– А ты попробуй, – Кир обнял его одной рукой. – И я попробую. Тоже полночи не спал.

– Ладно.

...Ит после случившегося спал из рук вон плохо. Он вроде бы засыпал, но потом через час-полтора просыпался и не мог заснуть очень долго. Сначала он пробовал как-то с этим бороться, лежал, считал про себя, гонял в голове всё подряд, от простых чисел до операционных схем, но на третью или четвертую ночь понял, что это бесполезно. Ближе к утру Кир, вставший попить воды, застал его сидящим за столом в общей комнате и меланхолично катающим по столешнице маленькую круглую тубу с противоожоговым гелем – эту тубу Ит по привычке до сих пор таскал в кармане.

– Ты чего тут сидишь? – удивился тогда Кир.

– Знаешь... – Ит накрыл тубу ладонью и поднял взгляд. – Я, кажется, впервые за всё время жалею о том, что бросил курить...

Сейчас Кир понял, что можно уговорить Ита хотя бы час покемарить – неизвестно, сколько ребятам торчать в этом чертовом портале, время есть. Самому ему тоже хотелось спать, потому что по ночам он вставал, отлавливая полуночников, и не высыпался. Илья предложил попробовать как-то поправить это дело, но едва речь заходила о снотворном, все дружно отмахивались и никакого энтузиазма не проявляли.

Нервы?

Ну еще бы.

У любого будут «нервы», если с ним, с этим любимым, такое сделать.

Ит сидел, прижавшись к Киру и ощущая, как согреваются успевшая подмерзнуть спина и правая рука. Левую руку он сунул в сумку – пусть Мотыльки тоже погреться. Оба Мотылька уже успели заснуть, причем Тринадцатый (Ит усмехнулся) сейчас спал, обняв его руку и уткнувшись в неё лбом – Ит ощущал, как Мотылек сонно вздохнул и слабо шевельнулся, устраиваясь поудобнее.

– В сумке сонное царство, – усмехнулся Кир, который придерживал сумку второй рукой. – Ит, не отрывайся от коллектива.

– Угу...

Спать Иту не хотелось, но было жаль огорчать Кира. Поэтому он всё-таки прикрыл глаза и задумался.

А подумать было о чем.

Пентакль, вспомнил Ит. «Этот ваш пентакль. Они боялись всего и поэтому не давали собратся пентаклю». Это сказал Огден. О чем именно он говорил и что это вообще значит? Он имел в виду, что они пятеро, их часть семьи, образуют какую-то структуру? И что прежняя инкарнация про эту структуру что-то знала?..

– Кир, можно я открою считку? – спросил негромко.

– Еще не хватало! – Кир, кажется, рассердился. – Я тебе сказал – спи!..

– Ну ладно...

Что имел в виду Огден?

И что имел в виду Атон во время того давнего разговора?

Он тоже говорил, что такие структуры образуются очень редко, и даже каким-то образом поспособствовал с возвратом в более ранний возраст – что было, то было. Сейчас возраст – это они выяснили точно – соответствовал где-то ста восьмидесяти годам. Причем именно клеточный возраст, это смотрели по количеству мутаций. Даже самая хорошая геронто-программа такого результата дать была не способна – слишком длительный перерыв, слишком долго прожили они все на Терре-ноль без всякого геронто вообще.

Клетка любого живого существа с каждым годом накапливает всё новые и новые мутации, это вполне естественный процесс. Мутации накапливаются, а цикл деления – сокращается. Это, по сути дела, и есть старение. Любая схема геронто изменяет эти два процесса: снижает скорость накопления мутаций и добавляет новые циклы деления. Да, если использовать геронто постоянно, несколько раз в год, то можно и десять тысяч лет прожить – Ит про такие случаи знал. Например, Её Величеству, королеве конклава Санкт-Рена, было больше восьми тысяч лет. Некоторые Аарн тоже жили очень подолгу – их Ти-анхи проводят геронто автоматически, это включено в любой цикл лечения.

Но они-то все сделали одну-единственную программу за всё время, на Окисте! И дать она могла лет пятьдесят форы, но никак не двести с лишним...

Ладно, с возрастом хоть что-то понятно.

Но что такое пентакль?

И почему до них его никто не собирал?..

Кир, судя по дыханию, заснул – Ит про себя усмехнулся. Боевая практика, что тут скажешь. Кир мог спать вообще где угодно, как угодно и когда угодно. Стоя, сидя, лёжа на полу, в болоте, в переполненном транспорте, на заднем сиденье в машине, согнувшись в три погибели на короткой полке в поезде, в плацкартном купе... Конечно, он любил раскинуться повольготнее, а еще лучше – если под боком оказывалась Берта или Скрипач. Но «нравится» – это одно, а «приходится» – это другое.

Пентакль... Это мы, пятеро. Берта, Кир, Фэб, рыжий и он сам. И что-то Огден про нас знает, что-то принципиально новое, если учесть, что он с какой-то неясной пока что целью утащил Бертю и Фэба на Терру-ноль, а нас троих оставил тут.

Ит тяжело вздохнул, прикрыл глаза. Он вдруг понял, что думать ему сейчас мучительно тяжело и совершенно не хочется. Действительно, попробовать поспать? Опять ведь полночи буду шататься.

Он и сам не заметил, как задремал.

* * *

Шестью часами позже они оба стояли на границе портала и с тревогой глядели на рыжего и Ри. Скрипач сейчас стоял

совсем близко от них и беспомощным взглядом смотрел то на Кира, то на Ита.

– Рыжий, вы как там? – позвал Кир.

– Пить очень хочется, – отозвался Скрипач. – Я-то потерплю, а вот Ри, по-моему, уже хреново. Ребят, спросите, долго еще?

Ит пошел к научной группе, которая сидела метрах в ста поодаль и сейчас не обращала на них никакого внимания.

– Милтон, им еще долго нужно будет находиться на площадке? – негромко спросил Ит.

– Сколько будет нужно, столько и будут находиться, – отрезал тот, не поднимая головы от визуала. – Не отвлекайте. Идите на своё место.

– Можно им хотя бы воду передать? – спросил Ит.

– Нельзя, – Милтон нахмурился. – Идите на место, я вам сказал. Вы нам эксперимент сорвете.

Ит разозлился.

– Запросто сорву, если вы им не дадите воды, – произнес он. – Это всё что, нельзя остановить и сделать перерыв?

– Через два часа мы закончим, – успокаивающе произнес какой-то черноволосый парень, сидевший от Милтона по правую руку. – Не так много и осталось.

– Джани, не отвлекайся, – рявкнул Милтон. – Нет, ну это ни к черту не годится... Еще раз восемьдесят шестой и сорок второй сегменты, пожалуйста.

– Ничего нет, – сейчас говорила женщина, лица которой

не было видно из-за визуала.

– А должно быть, – упрямо ответил Милтон. – Еще раз, восемьдесят шестой и сорок второй. Ри, в сегмент восемьдесят шесть. Скрипач, в сегмент сорок два.

Ит понял – «болтушки» Ри и Скрипачу дали... с односторонней связью. Ничего себе! Приказ слышать можно, а ни оспорить его, ни пожаловаться – нельзя.

Вот это да.

Он подошел еще ближе.

Ученые, оказывается, устроились с комфортом. Место, где они сидели, накрывал сейчас теплый полог, а на столике обнаружили и вода, и полевые рационы, и даже какие-то сладости.

Надо ли говорить, что Киру с Итом никто даже воды не предложил – хорошо, что запасливый Брид сунул в сумку несколько маленьких бутылочек с водой по своей стародавней привычке. Сейчас бутылочек осталось только две – четыре они успели выпить. Две оставили Ри и Скрипачу.

– Ри, чуть правее, в центр сегмента. Так, замер. Скрипач, два шага перед и вправо. Замер! Не говорить ничего, стоять тихо. Свит, что там?

– Ничего. Нулевая активность.

– Так... Джани, следующая пара.

– Ри – сегмент восемнадцать, Скрипач – сегмент сто два. Живее.

– Дайте им воды, – снова сказал Ит. – Вы понимаете, что

это...

– Я понимаю, что сейчас кто-то получит, – процедил Милтон. – Пошел отсюда вон, термо. Следящие, пока мясо идет по точкам – отправьте вот этого термо туда, где ему велено сидеть, – приказал он. Трое ученых тут же встали, достали из карманов малые импульсники и направили на Ита.

Тот рассмеялся.

– Вот даже как, – пробормотал он. – Здорово. Что, Милтон, не дает покоя немецкая схема с головами и телами?

– Какая схема? – удивился тот.

– Да такая. Когда головы погибших Контролирующих и их тела использовали по отдельности, чтобы заставить «звучать» площадки. На Терре-ноль работали таким образом, причем исключительно немцы. Что, вы не знали?

Милтон пожал плечами.

– Не помню, – ответил он. – Может быть, читал. И что в итоге?

– В итоге это не сработало. И то, что вы сейчас делаете, не сработает тоже, – уверенно сказал Ит. – Вы будете таскать нас по этим порталам в любом виде, хоть живыми, хоть мертвыми, до скончания времен – и ничего у вас не получится. Ладно, пойду ждать. Пару часов ребята выдержат, они – не вы, им не привыкать.

Ри первым делом, разумеется, отправился куда-то за сложенную кое-как аппаратуру – понятно, с какой целью. Почти девять часов не пить тяжело, но это далеко не все неудобства. Скрипач, разумеется, пошел туда же – несмотря на то что в спину ему сейчас нацелилось целых пять лучевиков.

Ри вернулся минуты через три, и выражение на лице у него было непередаваемое – явное облегчение, смешанное с не менее явной злостью. Он решительным шагом подошел к столу, отпихнув по дороге локтем Милтона, сграбастал бутылку с водой и принялся жадно пить.

– Ну вы и суки, – с чувством произнес он, швыряя бутылку на землю. – Мразь...

– Вы что себе позволяете! – гаркнул Милтон.

– Это вы что себе позволяете!!! – заорал в ответ Ри. – Учтите, это первый и последний раз было! Издеваться над собой я больше не дам!..

– Милтон, мы не шутим. – Скрипач тоже подошел к столу, взял бутылку, отпил глоток. – Если вам в следующий раз захочется повторить такой же эксперимент, вам придется носить нас по площадке на руках, потому что сами мы ничего делать не будем. Ясно?

– Вы будете делать то, что вам приказано!!!

– В зад-ни-цу по-шел, – по слогам произнес Скрипач. –

Понял? «Приказано», – передразнил он. – Приказал один такой. Ит, чего они хоть считали-то? – спросил он, полностью игнорируя задохнувшегося от негодования Милтона.

– А-ля Хайдельберг, – скривился Ит. – Следующим этапом, как мне кажется, будут шаманские танцы и столоверчение. Вынужден признать, что официалка стремительно деградирует.

Ри рассмеялся.

– Милтон, у вас корабли еще не разбиваются о небесную твердь? – спросил он. – Если вы будете работать в том же духе, до этого вполне можно дойти.

– Ага, – покивал Скрипач. – А еще можно ходить с лозой. Ну, так же, как воду ищут, когда колодец копают...

– А можно узнать, на какой хрен вам нужны вот эти активаторы? – Тринадцатый высунулся из сумки, которую сейчас держал Кир. – Уж простите-извините, конечно, но для такого портала низкочастотные активаторы ну ни разу не годятся. К вашему сведению, эти порталы не идентичны гексагональным порталам Терры-ноль, и про это, насколько я знаю, известно даже детям...

К Милтону, наконец, вернулся дар речи – и хорошо, что Тринадцатый успел нырнуть обратно в сумку.

– Я вам что, обязан докладывать, что мы делаем? – Милтон говорил свистящим злым шепотом. – А если говорить про Хайдельберг, то мне действительно проще будет разрезать вас на части, и...

– О, знает. А врал, что не знает, – Скрипач покачал головой. – Вот что, Милтон. Мы – сказали. Вы – слышали. В этом бреде мы больше участия принимать не будем!

Коммуникатор Милтона вдруг ожил, воздух перед ним сгустился – визуал был, разумеется, приватным.

– ...да. Да, конечно. Да, сейчас, – забормотал Милтон. – Поближе подойдите, – приказал он, глянув на Ри. – Вас это, оказывается, тоже касается.

– К взаимопониманию вы, как я заметил, не пришли, – Огден был явно недоволен. – Ри, что вас не устраивает?

– Всё! – рявкнул Ри. – Для начала то, что эти убогие не умеют считать. И что у нас нет доступа к тому, что уже сделано. И что у нас нет физической возможности осуществить подобные расчеты. Вы понимаете, что это нереально?! Тот фарс, который был сегодня, я не могу назвать экспериментом, потому это не эксперимент, а фарс, действительно фарс!..

– Считать, значит, некому? – Огден хмыкнул. – Ну что ж. Думаю, через пару-тройку дней я найду вам подходящую счетную машинку. Благо что варианты есть. Так. Милтон, переводите оборудование на тот портал, что под Климовском. Нам нужно будет посмотреть не заряженную точку...

– Что? – Ит, который подошел к ним, напрягся.

– Не заряженная точка – это та, на которой не было боевых действий, – невозмутимо пояснил Огден. – Уважаемый Милтон вам не объяснил, что они смотрели? Вы что, всерьез

считали, что мы ищем резонанс? Как бы не так. Ладно. В общем, Ри, будет вам счетная машинка. Сейчас возвращаетесь на корабль и ждете. И будьте повежливее с нашей научной группой. Потому что по их расчетам для эксперимента нам вполне хватило бы и двух... объектов. Всего наилучшего.

Терра-ноль, Москва

Краснопресненская пересыльная тюрьма

Берта, Джессика, Фэб

Серый бетонный коридор, решетчатые железные двери разделителей, холодное лязганье металла; скупые, короткие команды охраны – за месяцы, проведенные здесь, она привыкла подчиняться и выполняла всё, что ей говорили, на автомате. Встать, лицом к стене, идти дальше... Это превратилось в неотъемлемую часть жизни, и сейчас у Берты и этой части шел спор – кто кого? Берта, впрочем, в исходе спора не сомневалась.

Каждый раз этот проход по тюремному коридору до комнаты, которую называли допросной, поражал её какой-то невероятной графичностью и ритмом. Эти действия напоминали ей старое, многолетней давности, кино, в котором она по недоразумению была сейчас вынуждена играть.

И музыка.

Возможно, всё дело было в музыке.

Кто-то на этом этаже каждое утро слушал Эдит Пиаф, и Берта, до этого Пиаф никогда не слышавшая, была поражена – и этим летящим, громадным голосом, и словами песен, и (она уже успела прочесть) трагической и короткой судьбой этой маленькой француженки. Какая сила и какая проник-

новенная дерзость... Музыка была слышна еле-еле, скорее всего, где-то, за какой-то из дверей, стоял проигрыватель, и некто невидимый крутил каждое утро одну и ту же пластинку – пять песен разных лет. Сборник. Она прочла в журнале, что выпущена эта пластинка еще при жизни Пиаф, но в России её издали сравнительно недавно, три года назад.

Читать разрешали.

Это, пожалуй, было единственное, что ей разрешали.

Одиночная камера, в которой она сидела, к иным занятиям не располагала – при попытке, например, сделать гимнастику могли и побить. Одного раза, впрочем, хватило, чтобы научиться осторожности: теперь Берта разминалась только тогда, когда была уверена – не следят.

С остальными, разумеется, контактировать не было никакой возможности. Да, и Джессика, и Фэб тоже находились в этой тюрьме (привезли их сюда всех вместе), но где именно и что с ними, Берта не знала.

Держаться.

Только держаться, ничего другого не остается.

Держаться и ждать...

Около двери ей снова велели встать лицом к стене, она встала. Лязгнул ключ в замке, дверь со скрипом открылась. Следующий час, само собой разумеется, будет не очень приятным, поэтому сейчас нужно собрать волю в кулак и приготовиться терпеть.

Да, это непросто, но с месяц назад Берта придумала себе

отличный способ переживать допросные часы практически без всякого ущерба для себя.

Она придумала комнаты. Комнаты, в которых всё было так, как раньше, в которых были они, те, кого она любила, и когда было нужно, она просто входила в эти комнаты и попадала туда, где ей не были страшны ни допросы, ни слова, ни давление извне; потому что там не существовало тюрьмы и нынешних событий, а было кое-что другое, было то, ради чего стоило жить.

За неведомой дверью пела Пиаф. Сейчас – Марсельезу, и Берта невольно улыбнулась, потому что Марсельеза ей всегда нравилась. Задолго до всего этого нелепого кошмара.

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrive!
Contre nous de la tyrannie,
L'étendard sanglant est leve,

Огден, сидящий за столом, поднял голову от каких-то бумаг, лежащих перед ним, и окинул Берту неприязненным взглядом.

Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ces ferores soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Egorger vos fils, vos compagnes!

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась Берта, садясь на привинченный к полу стул. Конвоир расстегнул наручники на её руках, она привычным движением завела руки за спину, и через несколько секунд наручники сомкнулись снова – её приковали к спинке стула.

Боятся.

Они её боятся. Ну конечно! Тётя прожила много-много лет в обществе двоих агентов, одного боевика и одного заместителя начальника кластера, пусть и бывшего. Небось научили каким-нибудь приемчикам. Надо страховаться.

«Интересно, я бы смогла сломать ему шею, если что? – подумала Берта, продолжая улыбаться Огдену. – Наверное, смогла бы. Но этого нельзя делать ни в коем случае, да и не изменит это ничего. Будет у меня после такого поступка пара минут на то, чтобы насладиться моральным удовлетворением, а после этого сюда прибежит двадцать человек и размахнет меня по полу. Нет уж, спасибо. Известно, что каждый Буратино сам себе злобный враг, но не до такой же степени».

Огден не удостоил её ответом. В ожидании, пока уйдет конвоир, он снова уткнулся в бумаги. Берта вздохнула, села поудобнее. Куда бы сегодня прогуляться? В Симеиз? В Хабаровск? В Борки? Или, может быть, в Питер, в гости к Ри и Джессике? Сейчас решим. Ответим на пару вопросов и решим.

Замок снова лязгнул – допросную заперли снаружи.

Огден решительным движением закрыл папку с бумагами,

выпрямился и презрительно глянул на Берту.

Та изобразила на лице доброжелательное внимание.

– Мы вчера не закончили, – Огден задумался. – Мы остановились на втором вопросе. Итак, искин корабля «Альтея» назвал Фоба Эн-Къера резонансным двойником одного из метапорталов Терры-ноль. Что вам об этом известно?

– Ничего, – дернула плечом Берта.

– Не лгите, «ничего», – передразнил её Огден. – Более чем известно. Вы очень упрямы, Роберта, хотя я для вас не вижу никакого смысла упрячиться. И вы, и Фэб, и, подозреваю, все остальные тоже являются носителями резонанса...

– Я не являюсь носителем резонанса, – в тысячный раз ответила Берта. – И никогда им не являлась. Мы жили на Терре-ноль много лет, и, думаю, если бы хоть какая-то точка мне соответствовала, мы бы её обнаружили уже давно. Разочарую – такой точки в природе нет.

– Есть, – упрямо повторил Огден. – И мы её найдем.

– Тогда вам придется меня нести, потому что добровольно я отсюда не выйду, – предупредила Берта.

– Нужно будет – понесем.

– По частям? – ехидно спросила Берта.

– Можно и по частям, – пожал плечами Огден. – Это зависит от обстоятельств.

– Где дети? – спросила Берта.

Три месяца она каждый день спрашивала об одном и том же. Не рассчитывая на ответ – спрашивала. Эти уроды за-

брали детей, забрали Настю и Рому, и... твари.

«Ненавижу шантажистов».

– Пока не будет согласия на сотрудничество, не будет информации о детях, – с удовольствием произнес Огден. – Роберта, ведь только вы остались. И Фэб, и эмпатка давно уже работают с...

– Не врите, – Берта поморщилась. – Ни Джессика, ни Фэб не пошли бы на это ни под каким давлением. И шантаж тоже не помог бы. Вы лжете, Огден, и делаете это на редкость топорно.

Пиаф пела...

Aux armes, citoyens
Formez vos bataillons
Marchons, marchons!
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons!

– Нет, я не лгу, – Огден ухмыльнулся. – Вы не мать, Роберта, и вам не понять мотивацию нормальной женщины. Никогда. Выявляетесь...

– Ну и кто же я?

– Вы извращенка. Да, да, именно так. Потому что нормальная женщина такого бы не сделала. Нормальной женщины никогда бы в голову не пришло лечь в одну постель с рауф. Нормальные женщины выходят замуж за нормальных мужчин и рожают нормальных детей. А не делят свою постель с

четырьмя гомосексуалистами одновременно.

Спокойно. Это уже было. Это уже не первый раз.

«Какой же он всё-таки жалкий, Огден, – подумалось Берте. – Жалкий и несчастный. И, наверное, очень одинокий. Потому что лишь очень одинокий и очень несчастный человек может говорить такие гадости. Наверное, дома его никто не ждет. Может, и дома у него никакого нет. Наверное, он приходит к себе каждый вечер, в очередное временное жилище, и никто не встречает его у двери. Никто не спрашивает, как прошел день, и некому поцеловать его в щеку и покормить ужином. А ночью... ночью он тоже один, совсем один, и нет рядом с ним живого доброго тепла; а вместо любви у него скорее всего какие-нибудь стимуляторы, от случая к случаю, а то и вовсе ничего, потому что он боится, что его на этом поймают. Боится и поэтому лежит наедине с ночью, только он, и только ночь, и ничего больше... Он вроде бы нужен всем и при этом не нужен никому, бессильный и все-таки сильный серый кардинал. В основе таких тварей всегда лежит одиночество. Что первично – это индивидуальный вопрос, но одиночество там всегда есть, как ни крути».

– ...вас взяли в одной постели с мужчиной-рауф! Это отвратительно! – долетел до неё голос Огдена, который, оказываясь, всё это время продолжал говорить. – Какая мерзость!..

...У Фэба болели сломанные ноги, и его познабливало – сказывалась перенагрузка. Часов до трёх ночи они читали

Данте, а потом так и уснули, не раздеваясь, не выпустив из рук книги. Ждали ребят, нервничали. А под двумя пледами, прижавшись друг к другу, было так уютно и хорошо!.. Фэб заснул первым, а она лежала еще с полчаса, отрешенно глядя на снег за окном и машинально поглаживая его руку, покойно лежащую на корешке книги – удивительно красивые тонкие пальцы, ровные, под корень подстриженные ногти... За руками Фэб следил, и еще как, руки для него были прежде всего рабочим инструментом – и эта чистая, красивая рука Берте в тот момент почему-то ужасно нравилась. «Какие они у меня замечательные, – думала она. – Каждый по-своему, но замечательные – все». Снег падал и падал за темным окном, и она сама не заметила, как задремала. Утром позвонили ребята, она ответила, а потом снова легла и уснула, ведь Фэб еще спал, и ей не хотелось его разбудить...

– Похотливая мразь! Сука!

Ууу... Что-то Огдена сегодня заносит. Видимо, поговорка «У кого что болит, тот о том и говорит» действительно правильная...

– ...И это пока еще только начало, Ольшанская. Вы будете сотрудничать, хотите вы этого или не хотите.

– Не хочу, – машинально подтвердила Берта, тем самым обозлив Огдена еще больше.

– Захотите, – рявкнул он. – Деваться вам всё равно некуда, и вы про это знаете.

«Они придут, – Берта прикрыла глаза. – Они придут за

нами. Не знаю, как, и не знаю, когда, но они придут за нами, в этом я не сомневаюсь ни секунды. Надо просто терпеть. И ждать. Вот это я знаю точно».

Огден продолжал что-то говорить, но Берта его не слушала – отключаться от Огдена она научилась на удивление легко. Можно представить себе, например, что это шумит вода. Или радио. К ней слова не имели никакого отношения.

Интересно, Огден понимает, что разговаривает сейчас сам с собой?..

– ...первый выезд. Возможно, мы возьмем вас вместе с Фэбом...

О! Это что-то новое.

Берта наострила уши.

– Он дал согласие на сотрудничество, поэтому через десять дней мы организуем первую пробную поездку.

– Куда? – спросила Берта.

– Я только что сказал!..

– Извините, я отвлеклась, – Берта понурилась. – Руки болят.

Руки действительно болели, святая правда. Попробуй посиди час со скованными руками.

– В Домодедово, – повторил Огден. – К portalу. Вы и ваш любовничек...

Опять. Заклинило, что ли?

– Во время прохода портал выдал некую реакцию, и сейчас нам нужно выяснить, на кого именно из вас он так отреа-

агировал. Исходя из имеющихся данных, мы склонны предполагать, что либо на вас, либо на него.

– Почему? – с интересом спросила Берта.

– Вы меня вообще слушали?!

– Ну... да.

– Потому что Джессика портал раньше проходила, и никакой реакции не было, – объяснил Огден.

– Я его тоже проходила, – напомнила Берта.

– Тогда реакция была, но вместе с вами шли ваши эти... мужья... и Ри. Поэтому ни о каких чистых характеристиках говорить не приходится.

Берта согласно кивнула.

– Это верно, – протянула она задумчиво. – Действительно, не приходится. Вы это очень точно подметили.

– Договорись, дрянь, – процедил Огден.

Берта улыбнулась.

Огден встал, подошел к двери, стукнул по косяку. Через несколько секунд залязгал открываемый замок.

– А не мог портал отреагировать на детей? – спросила невзначай Берта.

– Это уже проверено. – Огден снова сел за стол. – Нет, это не дети.

Берта кивнула.

– Значит, с детьми всё в порядке, – заключила она. – И на том спасибо.

Огден оскалился.

Берта снова улыбнулась.

– Aux armes, citoyens, formez vos bataillons, – тихонько пропела она.

Глаза у Огдена нехорошо сузились, он подался вперед – но в допросную уже входил конвоир, поэтому Огден так и остался сидеть: ударить БERTY в присутствии постороннего человека он не решился.

– Marchons, marchons! Qu'un sang impur. Abreuve nos sillons! – пропела Берта, выходя из камеры в коридор.

* * *

Видеть весну было невозможно, потому что крошечное окошко камеры было забрано густой решеткой и находилось под самым потолком. Но весну можно было почувствовать. И сейчас Джессика, сидя на стуле, прикрыв глаза, сосредоточившись, как раз чувствовала именно весну – впервые за эти месяцы хоть что-то сдвинулось с мертвой точки.

Сын был жив.

Она это знала, но так же, беспощадно и остро, ощущала, что ему трудно, невероятно трудно. Сердце обмануть не могло, и в сердце сейчас сидела заноза – мыто справимся, но вот Ромка и Настя...

Джессика чувствовала – дети далеко. Очень далеко, в Москве их точно нет, сто процентов. След ощущения был настолько слабым, что порой плакать хотелось от отчаяния.

Она понимала – это сделано специально, чтобы она поддавалась, растерялась, чтобы растерялись и поддались они.

«Не сдавайся, – думала она. – Не сдавайся, мой мальчик. Борись. Ты очень сильный, ты такой же, как твой отец, помни про это. Ри никогда не сдавался, и ты сейчас не сдавайся, мы должны собраться и перетерпеть, сколько будет нужно. Ребята придут за нами. Папа придет за нами. Я верю в это, не могу не верить».

За дверью ходил охранник. Слышать его Джессика не могла, но ощущала запросто: движение холодной деловитой и какой-то равнодушной силы. Туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда.

Камера, в которую её посадили, считалась, как она поняла позже, изолированной и предназначалась именно для эмпатов. Эмпадам послабее, наверно, тут приходилось и впрямь тяжело, но Джессика разобралась со «стенками» за сутки и запросто сканировала пространство на полкилометра вокруг.

Тюрьма.

Как поняла Джессика, это была Краснопресненская тюрьма, которая находилась едва ли не в центре города. Пересылочная, кажется. В этот район они не заезжали ни разу, может быть, там бывали ребята или Берта, но этого Джессика точно не помнила.

Остальных она ощущала, но пробовать связаться с ними не рискнула. Пусть охранники и Огден думают, что «стены»

её держат. Берта была не так далеко, один этаж вниз и направо, до конца коридора. Фэб находился в другом крыле большого здания, на нулевом этаже, практически под землей.

А вот детей куда-то увезли...

Если друзей Джессика ощущала хорошо, детей она не «видела».

...Как же плохо. Этот захват, это было чудовищно... Кир понял, что происходит, едва открылась дверь в подъезд, он успел крикнуть, чтобы они бежали в комнату, туда, где была пожарная лестница, чтобы спускались по ней, сам же он выскочил в коридор, навстречу им – дверь в квартиру уже открывалась. Драка получилась короткой, секунд пять, не больше: в Кира выстрелили, и его этим выстрелом впечатало в стену, и только через долгую тяжкую секунду Джессика поняла, что он жив, что это парализатор. Потом их волокли по лестнице наверх, потому что над домом висел бот в невидимом режиме, и Настя упиралась и рыдала, просила отпустить её к маме, домой...

«Бедная девочка, – подумала Джессика. – Вот уж кому, но ей это за что?! Она же совсем ни при чем, она просто зашла попрощаться со своим лучшим другом, с Ромой, потому что Рома сказал, что он навсегда уезжает...»

Конечно, Настя никогда до конца не верила в «Ромкины сказки», но сказки эти вдруг обернулись для неё жуткой былью, чудовищной былью, в которой её, просто за то, что она оказалась в этом месте в это время, били и тащили, как вещь,

взрослые дядьки в незнакомой форме, и потом загрузили в какой-то странный корабль, и...

Всю дорогу Джессика пыталась как-то утешить или ободрить детей. И если с Ромкой удалось договориться очень быстро, то Настя проплакала несколько часов. Проплакала? О, нет. Настя рыдала, Настя пыталась бросаться на боевиков, Настя умоляла отпустить её домой...

А бот, на котором они шли, в это время проходил через портал Сети Ойтмана, а потом их погнали в Транспортную сеть, а потом, после еще двух пересадок, Джессика увидела на выходе из Транспортной сети знакомый до боли мир, их повезли по знакомой до боли желтой полосе, и они приехали к дому, и она даже успела краем глаза увидеть заброшенные могилы Фэба и Тиры...

Чудовищно.

«Ладно. Допустим, они бы взяли меня. – Джессика держала сейчас руки на коленях, как образцовая ученица, и сидела, неподвижно глядя в стену. – В этом есть смысл. Но зачем забирать чужого ребенка, когда можно подчистить этому ребенку память и отправить восвояси? Официальная перестраховалась? Побоялась, что девочку отыщут Свободные и через неё получают какую-то информацию? Абсурд. Хотя бы потому, что Настя ничего не знает, не может знать. А вот Ромка...»

Когда она думала о сыне, ей делалось жутко. Ромка пошел характером в отца, а Ри всегда отличался совершенно беспо-

щадной принципиальностью. Ромка в этом отношении был ничуть не лучше. А это означало, что Ромка ни перед кем не прогнется и никому спуска не даст.

Но одно дело – школа в Питере, а другое – то место, где сейчас очутились дети. Иной раз стоит и прогнуться, и потерпеть, вот только уговорить Ромку терпеть какую-то несправедливость мог или отец, или Фэб, или Кир. И всё. И она сама, и Берта, и рыжий с Итом для Ромки авторитетами не являлись. По крайней мере, в этой области.

Что с детьми?

Где они?

И что от них может хотеть Огден?

Ромка – сын носителя резонанса метапортала... Господи, только бы Огдену не пришла в голову какая-нибудь очередная гадость, и он...

Только бы он не тронул Ромку.

Не искалечил.

Не изуродовал.

Не убил...

От Официальной она ждала всего, чего угодно. Знала: для достижения своих целей они не пощадят никого. Плевать они хотели на все правила и приличия, им не знакомы слова «справедливость», «честь», «совесть».

«Бедный мой мальчик. Бедная Настя. – Джессика встала, несколько раз глубоко вздохнула. – Милые мои, не сдавайтесь. Что бы ни происходило, не сдавайтесь».

По коридору к её камере шли двое.

Это означало, что сейчас поведут на очередной допрос.

* * *

– ...формируется принципиально новая схема. В которой вы, разумеется, будете рабочим элементом.

Джессика сидела напротив Огдена и задумчиво смотрела на него.

– А если я откажусь? – спросила она.

– А есть ли смысл в отказе? – усмехнулся он. – Джессика, подумайте. Как только мы завершим этап, я, так и быть, верну вам детей.

– Куда? – ехидно поинтересовалась Джессика. – Куда вы их вернете? В мою камеру? Замечательно.

– Мы предоставим вам жилье на территории...

– Тюрьмы?

– Да, – кивнул Огден. – И вы замечательным образом будете там жить. С детьми. Ведь вы этого хотите, не правда ли?

«Не правда ли, – подумала Джессика. – Убить я тебя хочу, вот это, пожалуй, будет правдой».

– Кнут и пряник, – улыбнулась Джессика. – Очень, очень заманчиво, Огден. Вот только маленькая проблема. Я вам не верю. Поэтому никакого этапа не будет. Я просто не выйду из камеры.

– Существует множество способов вас оттуда извлечь

против вашей воли и без членовредительства, – хохотнул Огден в ответ. – Джессика, ну хватит. Зачем вы ведете себя как маленькая девочка? «Не выйду», – передразнил он презрительно. – Выйдите. Как милая. Хотя бы потому, что и Берта, и Фэб уже дали на это согласие.

– Хватит врать, – поморщилась Джессика. – Фэба вы сегодня еще не допрашивали, уж простите, но это я не могу не видеть.

– Он дал согласие еще вчера, – Огден посерьезнел. – Так. Шутки и уговоры – в сторону. На днях будет первый выезд.

– Куда?

– Куда потребуется, – отрезал Огден.

– А всё же?

– На домодедовский портал.

– Но зачем? – Джессика удивилась. – Ведь мы там были...

– Нам лучше знать зачем. – Огден встал. – Всё. Разговор окончен.

* * *

Фэб сидел в позе лотоса на полу в своей камере уже не первый час. Нетронутый завтрак стоял на столе, и это Фэба вовсе не волновало. Несмотря на кажущуюся отрешенность, Фэб на самом деле был очень занят – сейчас он прогонял про себя несколько вероятностных линий, смотрел, как могут развиваться события, и...

...и вырабатывал тактику действий.

Он не собирался отступить или сдаваться. Напротив. Фэб уже выстроил две или три схемы, но какая из них сработает, можно было понять только после первого хода.

Интересно, Огден понимает, с кем он в этот раз связался?

Фэб помнил Огдена, очень хорошо помнил. Тот никогда ему не нравился, но и претензий к нему не было никаких. Серая неприметная тварь, которая неизвестно откуда появилась и внезапно взлетела, да так высоко, что никто не ждал от неё подобной прыти.

Сначала Огден работал в официалке штатным рядовым врачом, причем работал где-то на окраине, где вроде бы невозможен ни карьерный рост, ни продвижение куда бы то ни было. Но произошло одно событие, после которого молодого врача выдвинули в кандидаты на шестой класс, и он с легкостью прошел кандидатскую ступень. И впервые оказался на Орине – осторожный, с какими-то крысиными повадками, всего опасующийся и дичащийся.

Впрочем, год спустя он перестал дичиться и опасаться. Осмелел.

Параллельно с медицинской практикой он сначала окончил социологический курс, потом сунулся было к ученым, но тут ему показали на дверь: не тянул. Снова вернулся к медицине, но начал брать задания, которые были тем или иным образом связаны с социологией. Та же Онипрея, вспомнилось Фобу. Да, Огден тогда был штатным врачом, одним из

двух, в группе Ри, но... но одному Богу известно, какую цель на самом деле преследовал этот врач.

Позже Огден на какое-то время пропал из поля зрения Фэба – перевелся. Фэб понимал теперь: видимо, примерно в этот временной период Огден был завербован «Молотом». После почти пятилетнего отсутствия Огден снова появился на Орине, но сейчас это был уже другой Огден: смелый, самоуверенный, поумневший... и очень, очень осторожный.

Эдри, куратору кластера, Огден не понравился категорически, и через год его отправили работать долгосрочную программу, первую из десятков, через которые он потом прошел. Он то появлялся, то пропадал. Позже Эдри приняла нового заместителя, им оказался сильный социолог, ученик Линца, совсем молодой еще парень по имени Кансари Гарай – и немногим позже Эдри, помнится, начала говорить о нем как о своем возможном преемнике. Конечно, до преемника тогда было далеко, но Эдри начала готовить Гарая и ясно дала ему понять: на этом месте тебе быть следующим.

«Как же не вовремя я тогда умер, – с горечью думал Фэб. – Всего сорок лет после моей смерти, двадцать лет после смерти Эдри, и... И получилось вот такое. Невозможно всего предусмотреть, к сожалению. Кто знал, что Гарай настолько легко сойдется с этой тварью и попадет под влияние? Разумеется, Огдена готовили к той роли, которую он играет сейчас, этот «серый кардинал», как называет его Берта, марионетка, пешка, разменная карта в чьих-то руках; и этим нуж-

но будет воспользоваться, обязательно. У Огдена есть одно замечательное качество – он тоже не предусматривает всего. Возможно, это поможет нам. Как-то поможет».

Огден, как помнил Фэб, терпеть не мог рауф. Даже к нэ-гаши или луури он относился лучше, чем к «котам», и очень любил повторять, что люди – это высшая раса, которая стоит над другими расами. Большинство втихую посмеивались над его откровениями, и никто не принимал их тогда всерьез.

Ну что ж, человек.

Кот будет играть с тобой.

Но ты, кажется, за давностью лет подзабыл, что кот работал заместителем куратора кластера еще тогда, когда ты, человек, сказал своё первое «уа», и знает больше тебя про все эти игры, и ничего не забыл.

Например, своды законов.

Берегись, человек.

Ты начал играть не с тем котом.

* * *

– Для того чтобы я мог куда-то поехать, вам придется снять меня с «химии», – пожал плечами Фэб. – Не бойтесь, Огден? А вдруг я убегу?

Огден рассмеялся.

– Не убежите. Потому что знаете: ваши котятки сейчас у меня в руках, и...

– И работают, как я полагаю, на проект «Азимут», – закончил за него Фэб. – Огден, подумайте. Я ничего не теряю. Я и сейчас могу уйти в любой момент, и ваши люди меня остановить не сумеют.

– Вы не уйдете, Фэб. – Огден покачал головой. – Пока остается хоть какой-то шанс, вы не уйдете.

– Зачем тогда эти угрозы? – Фэб, склонив голову к плечу, наблюдал за Огденом. – Вы непоследовательны, мальчик. Но что-то раньше я не замечал за вами подобной импульсивности. Что, сроки поджимают? Придется перед кем-то держать ответ?

– Гарай подождет, – отмахнулся Огден.

– Я говорил не о Гарае.

– Кроме Гарая, надо мной никого нет.

– Я вам не верю. – Фэб покачал головой. – Что-что, а врать у вас всегда получалось плохо.

– И «Молот» подождет тоже. – Огден отвернулся. – Про сроки вы отчасти правы, Фэб. Они действительно хотят результата. Но, кажется, я попался ровно в ту же ловушку, в которую попала в свое время группа Ри.

– В какую же? – удивился Фэб. Удивился совершенно искренне.

– Я не знаю, что будет, если эта хрень заработает! В свое время я требовал ответа от Ри, а теперь этот же ответ требуют от меня, – Огден невесело рассмеялся. – Ученых у нас... тьма. – Он махнул рукой. – Версий – тоже тьма. Вероятным

ответом на часть вопросов станет успешная экспедиция, но лишь на часть и лишь вероятным.

— А зачем вам нужно уничтожать Русский Сонм? — невзначай поинтересовался Фэб, усаживаясь поудобнее. — Чем он вам так мешает?

— Ох... Я попробую объяснить, Фэб, но, боюсь, вы слишком предвзяты, чтобы понять.

— Я попытаюсь, — пообещал Фэб.

— Скажем так, это дополнительная надструктура, которой никто не управляет, и вот что происходит в результате...

Всем известно, что такое Сеть и что делают в этой Сети Барды и Сэфес. Обитаемые миры собираются в двенадцатеричные построения, в сиуры, в дублирующие друг друга гексы, связанные через логические узлы. Миры подбираются по принципу максимальной толерантности их эгрегоров друг другу. Цивилизации появляются, живут, исчезают; Вселенная, вся Вселенная, идет бесконечным кругом жизни; кругом, полным тайн и загадок, но всё равно логичным и правильным, потому что практически всё поддается объяснению.

Кроме Сонма.

Во-первых, неизвестно, по какому принципу на некоторых планетах появляются Осколки Сонма. Где-то появляются, где-то не появляются, и вычислить закономерность невозможно.

Во-вторых, зоны, где Сонм силен и превалирует, ведут се-

бя... немного иначе. Не так, как им положено себя вести.

– Ну уж и не так, – возразил Фэб. – Они ведут себя совершенно обычно. Уж простите, но как Встречающий я более чем в курсе.

– Нет, не обычно, – отрезал Огден. – Они...

Они, пусть и очень медленно, смещают вектор развития.

– О чем вы? – удивился Фэб. – Сонм существует миллионы лет, и никакой вектор за это время не был смещен.

– Был.

В этих зонах, с осколками, происходит постепенное замещение, объяснил Огден. Уменьшается количество Белых миров, не зонированных. Идет, пусть и медленно, сокращение общего числа войн; увеличивается количество так называемых «высоких» цивилизаций, от седьмого до девятого уровня.

– И что в этом плохого? – искренне удивился Фэб.

– Вы можете дослушать или нет?! Так вот. После того, как кластер, в котором это происходит, подходит к точке «деления», то есть распада, Белых миров после него остается немного меньше, чем должно быть.

– То есть?

– Разрушаются планетарные системы, понимаете? Они не выходят на следующий круг, – объяснил Огден. – Они... они погибают.

Фэб молчал, стараясь осмыслить то, что сейчас сказал Огден.

Что такое планетарная система? Это некая материальная точка, это звезда-даритель, это планеты, три или четыре из которых могут нести жизнь, это – цикл, потому что, например, на одной и той же планете цивилизаций может быть несколько сотен. Или тысяч. Идущих друг за другом, последовательно, непрерывно.

«Я понял, чего он боится, – вдруг сообразил Фэб. – И – нет. Они не погибают, как считает Огден. Они... уходят дальше. Выходят из ловушки нашего материального существования и идут дальше, отправляются куда-то еще. Но ему этого не объяснить. Так вот что имел в виду Ит тогда, после того как решил эту задачу. «Они хотят уничтожить Русский Сонм». Правильно, конечно, они хотят его уничтожить – ведь у них между пальцев просачиваются те, кого они, казалось бы, крепко держали в руках. Выходят – и идут дальше, своей дорогой. Без возврата сюда».

– И что вас смущает, Огден? – спросил Фэб, с минуту помолчав. – Только то, что это не вписывается в вашу модель?

– Мы хотим сохранить мировой порядок, – глаза Огдена нехорошо сузились. – Мы хотим, чтобы соблюдались законы...

– И для этого вы их в таком количестве нарушаете? – ехидно поинтересовался Фэб.

– Я ничего не нарушал.

– Да ну. Нарушали, и не раз. Но мы поговорим про это позже. А сейчас... что от меня требуется?

– Работать в порталах. Как – мы объясним.

– Ладно, – Фэб покладисто покивал. – Тогда снимайте «химию».

«Химия» – это была гарантия того, что Фэб не удерет при первой же возможности. В кровь вводился состав, который оставался нейтральным только в пределах определенной зоны – там, где работал портативный «охранник». Портативный – это было слабо сказано. «Охранник» представлял собой объект размером с маковое зерно и неизвестно где находящийся. Слабенькое излучение, которое он давал, держало состав нейтральным, но если Фэб выйдет за пределы действия «охранника», он умрет в долю секунды: сначала мгновенно разрушатся все эритроциты, а потом расплавятся клетки мозга.

– Снимем завтра, – пообещал Огден. – Я вас хоть в чем-то убедил, Фэб?

– Нет, конечно. – Фэб встал. – Разве что в одном.

– И в чем же?

– Вы неизлечимы. Но исцелиться я вам не предлагаю – потому что вы, разумеется, откажетесь. До завтра, Огден. Всего хорошего.

* * *

Утром на реке было холодно. Катер Официальной шел сейчас по Пахре, шлюзы прошли еще в шесть утра, ждали

долго, почти час – вместе с ними шлюзовалась здоровенная баржа, непонятно чем груженная. Все порядком озябли: и официалы-охранники, и Джессика с Бертой. Один лишь Фэб, кажется, не испытывал от холода ни малейшего дискомфорта. Наоборот, он с большим любопытством осматривался, ему сейчас было интересно всё.

Утренняя река была красива – робкой, пробуждающейся красотой ранней весны. Светлое, словно бы вылинявшее небо, неподвижные в безветрии деревья, пустые пока что поля... И свежий, как родниковая вода, воздух – в городе он был иным, не таким. Фэб задумался. А ведь верно. Сейчас он понял – да, верно. То, что все они когда-то присягнули этому миру, – верно.

И он понял, что ему сейчас дается шанс – присягнуть тоже. Он уже чувствовал то, о чем не могли рассказать никакие слова. Средоточие. Центр. Вера, которая находится в самой глубине души. Какая-то особая правильность... Фэб задумался, подбирая слова. Пожалуй, самым точным ощущением будет... понимание. Вот теперь я понял их. Всех. И Ри, и Джессику, и Берту, и Скрипача, и Ита.

Потрясающе...

– Зуб на зуб не попадает, – пожаловалась Берта.

– У меня тоже, – кивнула Джессика.

– Вам хоть позавтракать дали? – спросил Фэб.

– Издеваешься? Нет, конечно, – Берта передернула плечами. – В полпятого утра какие завтраки...

– Ясно. Девочки, у меня в правом кармане куртки есть пара кусков хлеба. Он подсох, но, по-моему, вполне ничего. Джесс, тебе там ближе. Достань – и приступайте.

– Тебе оставить? – Джессика залезла в карман его куртки, вытащила хлеб.

– Обойдусь, – усмехнулся Фэб. – Ешьте.

– Скь'хара, я тебя обожаю, – проговорила Берта с набитым ртом. – Ммм... вкусно-то как! Джесс, вот не поверишь, а по хлебу я скучала всё это время. Ну, по такому хлебу. Ты понимаешь.

– Понимаю, – Джессика спрятала половинку куска в карман. – Потом доем. Неизвестно, сколько нам предстоит там торчать.

– Мудрая мысль, – Берта тоже спрятала остатки куска в карман. – Воды бы еще у кого-нибудь попросить.

Охранник, до этого молча слушавший их разговор, снял с пояса фляжку и протянул ей.

– Спасибо, – Берта улыбнулась. – Джесс?

– Давай, конечно.

– Фэб, пить хочешь?

– Не откажусь. Но тебе придется дать мне воду, маленькая, потому что такой эквилибристикой, как питье без рук, я еще не овладел, – засмеялся Фэб.

Женщинам руки сковывать не стали, а вот с Фэбом решили, видимо, подстраховаться – поэтому на Фэбе сейчас были «двойные блоки», разновидность фиксатора, из которого

не под силу освободиться даже агенту. То есть теоретически освободиться можно, но лучше этого не делать, потому что слишком велик шанс остаться без обеих рук как минимум. Страхочувствительный блок при попытке вытащить из него руку мог эту руку просто отсечь за долю секунды молекулярной нитью. «Дешево и сердито, – думал Фэб, когда ему сковывали руки. – И я не помню, чтобы такие штуки делали раньше. Они боятся от своих же сотрудников? Это же сколько появилось перебежчиков... Куда мир катится».

Кроме «блоков» на Фэбе сейчас был еще и «ошейник» – всё с той же нитью в комплекте. Видимо, перестраховщик Огден вспомнил былые заслуги Фэба в качестве преподавателя, работавшего как раз с агентами, и решил лишний раз не рисковать. Мало ли, что этому коту придет в голову? Ну уж нет. Пусть посидит на цепочке, на всякий случай.

– Берта, нам еще долго? – спросил Фэб.

– Да не очень, почти на месте, – Берта отдала фляжку обратно официалу. – Между прочим, там филиал института и здоровенный общий комплекс. Могли бы и поесть нам дать чего-нибудь...

– Сомневаюсь. – Джессика покачала головой. – Бертик, помнишь? «В дороге никто кормить не обещал».

Берта засмеялась.

– Конечно, помню. Джесс, а помнишь, как мы в Питере кафешку искали?

– Оооо... стулья... – Джесс расхохоталась. – Да, помню.

Фэб, смотри, как дело было. У одного друга намечался юбилейчик. И ходим мы, понимаешь, по Лиговке. Ищем кафе, чтобы немножко посидеть. Причем ходит нас много...

– Много – это мягко сказано, – поправила Берта. – Нас двадцать человек ходило, кажется.

– Ну да, примерно столько. И везде происходит одно и то же. Как только мы к дверям – навстречу бежит тётка и на дороге нам выставляет стул! Мы сначала в недоумении были – что ж такое-то? А потом дошло. Мы просто в обеденный перерыв попадали. Там же по-разному везде делается, ну, это потом расскажем, как, но – мы в пять кафе подошли точно к перерыву. Потом смеялись, пытаюсь угадать, какая тётка следующая выскочит. В синем халате, в белом халате...

– И чем кончилось?

– Да нормально всё кончилось. Нашли пельменную на Восстания, там и посидели. Друг был из Москвы, ему до машины четыре часа оставалось. Посидели, уехал...

– Хорошие времена были, – Берта улыбнулась. – Как-то очень... светло, что ли. Не знаю.

– Ну не так уж и светло, но – неплохо, – согласилась Джессика. – Фэб, всё. Мы, кажется, на месте.

Катер заходил в отводной канал, ведущий к пристани филиала ИВК им. А. Конаша.

Первое, что поразило всех, – количество военных. Возле портала пришлось ждать больше часа, и за это время из него вышли четыре больших отряда боевиков и один полевой госпиталь в полном составе.

– Что происходит? – Джессика повернулась к Берте. – Тогда такого не было...

– Тогда мы ничего не успели увидеть, – возразила Берта. – Джесс, я не знаю.

– Тш, – беззвучно произнес Фэб. – Позже.

Когда их проводили через портал, тут, на Терре-ноль, была глубокая ночь. Вели очень быстро, они ничего не успели рассмотреть. Да и потом... Их троих посадили в один катер, детей буквально зашвырнули в другой – и Джессике стало не до чего вообще, потому что детей увозили, её сына увозили от неё, и какой, к чертям, портал, какое – по сторонам смотреть.

Но сейчас...

– Война? – спросила едва слышно Берта.

– Видимо, да, – кивнул Фэб. – Надеюсь, мы что-то узнаем.

И они, и конвой сейчас стояли неподалеку от ворот, за которыми находился портал, и смотрели – а из ворот выходили всё новые и новые боевики.

Никто из проходящих не обращал ни малейшего внима-

ния ни на скованного рауф, ни на двоих жмущихся к нему женщин. Все были собраны, деловиты, отряды выстраивались возле ворот, а потом уходили куда-то в глубь территории. Построек, как успела заметить Берта, за прошедшие двадцать с лишним лет прибавилось, причем преобладали временки, которые спешно возводила тут и там Официальная. Позже Фэб подтвердил. Да, так и есть, объяснил он, это по большей части временные здания. Видимо, гостиницы для транзита.

А это значит, что на Терре-ноль сейчас полно народа. Причем контрактников. И еще это значит, что через еще какой-то портал заходят оппоненты этих контрактников. В не меньшем количестве...

– Странно, – вдруг сказала Берта. – В тюрьме вполне сносно кормят. Когда была война, мы...

– Я знаю, – тут же кивнул Фэб. – Давайте лучше посмотрим.

Конвой откровенно скучал. Если он и обращал внимание на то, что говорят пленники, то вида о том, что заинтересован, не подавал. Охраны было шесть человек, Фэб подумал, что эта охрана – скорее дань традиции, потому что его, даже со скованными руками, шесть человек не удержали бы. Но про это Фэб решил пока что молчать, ему не хотелось торопить события.

Через час прибыла научная группа – пятеро хмурых мужиков с аппаратурой, причем какой-то новой, даже Берта

не смогла узнать ни одного прибора. Старший этой научной группы, низкорослый, угрюмый, с совершенно непроницаемым лицом человек средних лет, принялся отдавать указания.

– Первая пара – рауф и вот эта женщина, – тычок пальцем в сторону Джессики. – Вторая пара – рауф и вторая женщина. Третья пара – обе женщины. Четвертый этап – все трое. Поехали, у нас времени час всего лишь. Живо, живо!

– Что нужно делать? – Фэб вышел вперед, Джессика тоже.

– Сейчас выведем координатную сетку, будете ходить по сетке. Больше ничего.

Фэб кивнул.

Следующий час они, сменяясь, перемещались в пределах площадки, повинаясь указаниям ученых. Берта успела рассмотреть все изменения, которые тут произошли за время их отсутствия, и почувствовала, что у неё начинает противно посасывать под ложечкой. Несанкционированно пройти портал теперь не представлялось возможным. Теперь тут работало всё. И «сеть», которую было видно невооруженным глазом, и периметр, и еще куча всего. На границе портала стояло сейчас целых два «вихря», и от этого Берте стало совсем уже худо. Сунься сейчас кто в портал, «вихри» от этого кого-то мокрое место оставят. Она один раз видела, как работает «вихрь» – схлопывая пространство, словно в месте его срабатывания мир на долю секунды сжимается в одну точку. После срабатывания в том месте не осталось ничего

живого и неживого. Только перетертая в пыль земля...

«Хороши бы мы были, если бы сунулись в портал при такой защите, – думала Берта. – Мокрого места бы не осталось. Значит, правда. Нас действительно выпустили тогда. Выпустили, чтобы вернуть вот так... сейчас».

Ливийская активаторная колонна включения противофазы портала сейчас стояла под кожухом, который был способен перенести удар того же «вихря». Когда они бежали с Терры-ноль, кожуха не было. Да и вообще ничего не было, не считая сильно опоздавшего отряда охраны¹. Ну, постреляли, причем, как теперь понимала Берта, в воздух, не иначе. Потому что даже этот отряд сумел бы десять раз их убить...

«Как бы подойти поближе к колонне, – Берта всматривалась в координатную сетку, которую сейчас ученые проецировали на портал. – Нет, не получится. Маршрут мне дают другой. Жаль».

Через час ученые принялись спешно собираться – время уже заканчивалось. Действительно, вскоре ворота открылись, и всем было приказано чуть ли не бегом отправляться восвояси: через пять минут через портал пойдет очередной отряд. Конвой и ученые подхватили аппаратуру и резво повыскакивали за ворота, благо что до ворот было метров двадцать.

– Успели, – констатировал удовлетворенно старший. – Так. На днях снимаем следующий. И, это, попросите, чтобы

---

¹ События описаны в книге «Огонь и ветер» Е.В. Белецкой и И. Эльтерруса.

вам жратву с собой дали. Там целый день придется провести. А жрать нечего.

– Где? – не поняла Джессика.

– В Симеиз летим, на вашу точку, – отозвался старший.

– Летим? – Джессика удивилась, Берта тоже.

– Ну да, – пожал плечами старший. – Сейчас разрешают ботам летать над территорией. Не на местном же хламе...

– Но ведь был пакт, который запрещал такие полеты, – удивилась Берта.

– Был да сплыл, – хмыкнул старший. – Всё, до послезавтра.

* * *

– Фэб, ты что-то почувствовал? – спросила Берта, когда катер шел по реке обратно, к городу.

Фэб задумался. Опустил голову. Берта поняла, что спросила зря – не нужно было этого делать. Потому что Фэбу от её вопроса, кажется, не по себе.

– Да, – ответил Фэб после минутного молчания. – Ит. Берта замерла.

– Не могу объяснить, – Фэб прикрыл глаза. – Это пока что для меня... слишком остро. То, что он говорил и что говорили все вы... Это было ничем, если сравнивать. Понимаешь?

Берта кивнула. Джессика подсела к ним поближе.

– Не расстраивайся, – попросила она. – Фэб, правда. Не

расстраивайся так, не надо.

– Я бы рад, но не могу. – ФЭб всё еще сидел, закрыв глаза, неподвижно. – Господи, какая дикая боль. Я всегда знал, что он меня любит. Но я не думал, что до такой степени.

– Знаешь, словами всего объяснить очень часто не получается, – Берта тоже пододвинулась поближе. – Но...

– Бертик, нас вообще-то слушают, – напонила Джессика.

– Плевать. Ничего нового они сейчас не услышат. Так вот, словами объяснить невозможно, но – на мой взгляд – это метод.

– Что – метод? – не понял ФЭб. Джессика удивленно вскинула брови.

– Вот так жить – метод. Священный метод: жить любовью. Ставить всё прочее на второе место, потому что первое место в душе уже занято. Понимаете?

Джессика призадумалась.

– А ведь верно, – сказала она наконец. – Да, ты права. Это действительно священный метод. Знаете, я почему-то верю, что это нас спасет. Не знаю, почему, но верю. Глупо?

– Нет, – ФЭб отрицательно покачал головой. – Совсем не глупо, девочка. Наоборот, мудро.

Впереди был город, и день, который предстояло прожить, и новые испытания...

– В этой тюрьме очень здоровая и правильная еда. – ФЭб открыл глаза и улыбнулся. – Я всегда говорил, что вареные овощи и перловая каша способствуют правильному обмену

веществ, а пониженное содержание жиров полезно для печени. Кто со мной согласен?

– Все!.. – Джессика и Берта расхохотались.

– Побыстрее бы в тюрьму. – Берта вытерла рукавом выступившие от смеха слёзы. – А то очень кушать хочется.

«Альтея» – Сосновый Бор

Адский калейдоскоп

Несколько дней их не трогали.

Они снова оказались на «Альтее», снова им были разрешены любые перемещения по кораблю, снова стали приходить в гости то Илья, то Руби, то Дослав, которым тоже было совершенно нечем заняться; снова Ит стал просить Илью «поучить чем-нибудь», и снова Кир стал по ночам загонять всех спать – безделье оказалось чревато прежде всего тем, что изматывало хуже любой работы. Незнание тяготила, а времени, чтобы о чем-то думать и этим трепать себе нервы всё больше и больше, сейчас было в избытке.

Ри пребывал последние дни в растерянности – в некотором смысле они одержали победу над Огденом и его сворой, но победа эта явно была временной, потому что от Огдена все они ожидали только подлости. Но вот о размерах этой подлости, как выяснилось, они даже представления не имели.

На шестой день безделья и неизвестности произошло следующее.

Днём Ит и Скрипач, позанимавшись с Ильей, вытащили Кира потренироваться – сейчас они снова бегали по длинному коридору, делая свою привычную двадцатку. Кир не

выспался, злился и поэтому наращивал темп, причем тогда, когда наращивать его никто больше не собирался. Ри, которому бегать не хотелось, сидел на «подоконнике» в обществе Мотыльков и смотрел, как они бегают, а Мотыльки отыскали в базе корабля какую-то игру и сейчас, по словам Брида, «сражались», но во что они играли, Ри так толком и не понял.

– Куда ты несешься, блин! – Мимо Ри проскочил Кир, а за ним – Скрипач, причем Скрипач попытался ухватить своего скъ'хара за майку, но Киру удалось увернуться. – Кир, сбавь!..

– Иди ты... – донесся голос Кира. – Как хочу, так и бегу.

– Это я как хочу, так и бегу, – Ит, не торопясь, пробежал мимо. – Кир, сбавляй!

– Зачем?

– Потому что еще восемь осталось.

– Вот и плетитесь, как сонные мухи, а я пошел! – Кир еще нарастил темп, и вскоре вся троица уже была слишком далеко, чтобы слышать, как и о чем именно они ругаются.

– Дурачье, – проворчал вслед друзьям Ри. – Заняться больше нечем...

– Это не они дурачье, а ты, – заметил Тринадцатый. – Побегал бы лучше вместе с ними, хватит жопу отращивать.

– Не хочу, – огрызнулся Ри. – У меня нет настроения.

– Тебе просто лень, – хмыкнул Брит. – Гений, правда. Ну займись чем-нибудь, а? Сил нет никаких на тебя смотреть.

Ну хочешь, поиграй с нами?

— Ох... ладно, давайте, — смилостивился Ри, выводя визуал. — А, боевка... можно...

— Мы главного врага называли Огденом, — хихикнул Тринадцатый. — А если полностью — Пердячей Падлой Огденом. Ща он у нас допердится.

— Что ж, приступим, — Ри ухмыльнулся. — Идея действительно заслуживает одобрения...

Он не договорил — потому что за окном вдруг полыхнуло всё пространство; всё разом, свет был настолько ярким, что на долю секунды пропали из вида даже порталы Сети Ойтмана, огненные кольца переходов-смычек растворились в белом сиянии. Ри показалось, что он на секунду ослеп, настолько яркой была эта вспышка.

— Что за... — недоуменно произнес Брид.

— Ри! Вон там! — Тринадцатый вскочил на ноги. — Ри, это...

— Ё-моё, — только и сумел произнести Ри.

Рядом с порталами возникал, словно стягиваясь в пространстве из ниоткуда, трёхсоткилометровый корабль Сэфес.

* * *

Катер подошел к приемному шлюзу четыре часа назад — и все эти четыре часа они просидели рядом со шлюзом. До

этого с ними на полминуты связался Огден, сказал: «Идите, забирайте вашу счетную машинку, раз просили», Ри начал с ним ругаться, но Огден ругань слушать не стал, прервал связь, на этом разговор, считай, кончился. Сейчас, как все понимали, с экипажем работали Встречающие – но при словах «четыре часов хватит» все дружно впали в ступор. Немыслимо! Экипаж после выхода, причем долгосрочного! Какие четыре часа?!

И тем не менее происходило то, что происходило...

– Ничего не понимаю, – потерянно говорил Скрипач, сидя на корточках у стены. – Зачем он вообще пригнал сюда какой-то экипаж, и, главное, как?! Это невозможно сделать технически.

– Ну, как видишь, можно. – Ри стоял напротив, невидящим взглядом уставившись в стену. – Меня удивляет другое. Тут уже есть три экипажа, они в пассиве – и зачем-то сюда сейчас привели этот. Нелогично.

– Тем более они будут после выхода, – подсказал Ит. – Бред какой-то.

– Мелкие, вы хоть видите, кто это? – спросил Ри.

Мотыльки, сидевшие на руках у Скрипача, переглянулись. Брид пожал плечами.

– Мы не видим, там экран, – ответил он. – И на корабле экран. Если честно, мы вообще в этом пространстве ничего не видим.

– Сто лет говорю, что толку от вас нуль, – Ри отвернулся. –

Совсем ничего?

– Совсем ничего, – убито подтвердил Тринадцатый. – Глухая стена. Кто-то сильно не хочет, чтобы мы что-то видели.

– Или не вы, – подсказал Скрипач. – Чтобы вообще никто ничего не видел. Тут полно эмпатов, один Дослав чего стоит...

– И то верно, – кивнул Ри. – Простите, что ругаюсь. Просто волнуюсь очень.

– Ну, это понятно, – покивал Тринадцатый. – Мы тоже волнуемся.

– Может, они всё-таки не с долгосрочного выхода? – Брид задумался. – Ну это же садизм какой-то, если с долгосрочного.

– На корабль посмотри, – проворчал Скрипач. – С долгосрочного. Он трансформируется до сих пор, ищет форму.

– Меня поражает другое. – Ит потёр переносицу. – Какие Встречающие согласятся на подобное издевательство над экипажем? И о какой работе может идти речь, они нам просто не позволят. Это физически невозможно...

Он не договорил. Шлюз открылся, и в проем, держась рукой за стену, неуверенно вышел... Леон.

– Привет, ребята, – он смотрел поверх их голов, и Ри тут же понял, что сетевое зрение, которым этот Сэфес пользовался в обычной жизни, не работает. Леон был альбиносом, мало того, слепым альбиносом, и вне Сети использовал или сетевое зрение, или смотрел через своего напарника, Мори-

са. Сейчас, видимо, у него просто не было на это сил.

Леон прошел несколько шагов и сел на корточки, всё так же держась рукой за стену. Он всё еще смотрел куда-то в пространство, потом несмело улыбнулся.

– Я такой страшный, да? – спросил он. – Чего вы все молчите?..

* * *

Кир опомнился первым. Он подбежал к Леону, подхватил, помогая сесть удобнее, затем крикнул Скрипачу:

– Рыжий, помоги!..

Мотыльки соскочили с рук Скрипача и тоже кинулись к Леону.

– Ой, мамочки... – пробормотал Брид. – Леон, это мы! Ты слышишь?

– Я не вижу, но уши у меня на месте, – усмехнулся Сэфес. – Не оглох пока...

– Рыжий, вызывай Рофаила и Илью, скорее. – Ит тоже сел на корточки рядом с Леоном. – Леон, как Соня и Владка это разрешили? Совсем, что ли...

– А их тут нет. – Леон прикрыл глаза. – Это вообще какие-то незнакомые были. Вы же не знаете ничего.

– Вот это точно, что ничего не знаем, – подтвердил Ри. – Где Морис?

– Сейчас придет, – пообещал Леон. – Они сказали, что

недолго.

– Кто сказал? – Ит взял Леона за руку. – Леон, кто сказал?

– Ну, эти Встречающие, которые там... Ит, а можно я полежу немножко?

– Сейчас полежишь, – успокоил Ит. – Сейчас врачи подойдут, и полежишь. Встречающие будут с вами работать?

– Нет, теперь так не делают, – покачал головой Сэфес. – Теперь это не положено. И врачей не нужно. Мы справимся. Если на выходе нужен врач, то это значит... это значит... это...

– Что это значит? – требовательно спросил Ит.

– Это значит, что экипаж не может работать, – Леон говорил медленно, не открывая глаз. – И что его пора... устранять... освобождать место... тем, кто может.

Ри с немым ужасом смотрел на Ита, и тот ответил таким же взглядом – слов, чтобы как-то обозначить услышанное, не существовало в природе.

– Так, через две минуты ребята будут, – Скрипач подошел поближе. – Шесть человек вышло. Где Морис?

– Леон сказал, что сейчас подойдет, – сообщил Ри.

– Подползет, – ухмыльнулся Леон. – Подгребет...

– Молчи, ради Бога, – попросил Ит. – Мы сейчас вам поможем.

Скандал Огдену закатили грандиозный. Он требовал, чтобы оба Сэфес «ночку отдохнули и приступали». В результате Ит и Скрипач наорали на него так, что ему волей-неволей пришлось сдать позиции – видимо, Огден понял, что, начини он сейчас что-то требовать, ему прилетит физически и никакие боевики не помогут, тем более что рядом боевиков не имелось.

Обоих Сэфес в результате Рофаил устроил в терапевтическом блоке. Невзирая на робкие протесты Мориса, их обоих подключили на разгрузочные реабилитационные схемы: Сэфес, даже на непросвещенный взгляд, были в плохом состоянии.

– Ничего, ничего, – успокаивал Илья. – Денька два-три полежите, и всё будет в порядке. Вы полежите, а мы последим. Ты не возражай, парень, так всем спокойнее будет.

Ит и Скрипач всё время находились поблизости, прогнать Мотыльков тоже оказалось невозможно – они видели, что выход из Сети у экипажа был плохой, и сейчас тоже «немножко поддерживали», по словам Брида.

Сэфес действительно выглядели неважно. Ит, сидя рядом со спящим Морисом, думал о том, что никогда за годы дружбы не видел этот экипаж в настолько запущенном состоянии.

Во-первых, оба Сэфес были худыми. Очень худыми. Ко-

нечно, для экипажей худоба – самое что ни на есть обычное дело, Сеть «съедает» всё, что может, но худоба худобе рознь. Сэфес, которые работали с Маден, их дочерью, тоже были худыми, но они не выглядели при этом больными или истощенными. И Барды, с которыми десятилетиями работала Джессика, – тоже. Любой Контролирующий после Сети будет выглядеть заморенным, но не настолько же! Да и поправить это всё можно буквально за неделю: с этой проблемой в считанные дни разбираются или Встречающие, в случае Сэфес, или Связующие и целители – в случае Бардов. Но тут... Создается впечатление, что с Леоном и Морисом последние несколько выходов никто толком не работал. Те же мышцы взять – явная дистрофия. Причем длительная.

Во-вторых, кожа. Это очень важный показатель. Плохая кожа, слишком сухая, постаревшая. Значит, не делали геронто, причем давно. А ведь положено делать после каждого длительного выхода, в обязательном порядке.

В-третьих, Морис сильно поседел – а это уже совсем никуда не годилось. Морис сравнительно молодой (для Сэфес, конечно), и сидеть ему, да еще с учетом сетевого времени, которое реальным временем не считается, слишком рано. У Леона, увы, не поймешь, потому что Леон альбинос и поседеть не может.

В-четвертых, то, что писала система. А писала она такое, что смотреть на визуалы было жутковато. Ит про себя молился, чтобы оба Сэфес не свалились в неадекват – тут нет

Встречающих, и совсем не факт, что их получится из неадекватата вывести, если он, не приведи Господи, произойдет. Врачи этого делать не умеют. Фэба нет. Как же плохо, что Фэба нет... он бы сумел, он бы справился...

Скрипач, Кир и Ри сейчас спали в пустой соседней палате, Рофаил, пусть и неохотно, разрешил им это сделать, благо что в отделении сейчас больных уже не было. Дежурили Ит и Поль, но Поля вызвал зачем-то Илья, и сейчас Ит сидел с Сэфес один.

Леон проснулся первым – в этом для Ита ничего удивительного не было. Эту пару он знал отлично, и то, как они себя ведут на выходах, тоже знал более чем хорошо, благо что прожили они недалеко друг от друга не одну сотню лет и в гости друг к другу наведывались часто. Леон всегда «собирал лапы в кучу» первым, да и весь выход, в общем и целом, у него всегда был легче, чем у напарника. Единственное, что Леон на выходе себе позволял – так это валяться под самым толстым и теплым одеялом в доме столько, сколько позволяют Влада и Соня, их Встречающие. Он даже по дому это одеяло всегда таскал с собой, под общий смех, и ложился где угодно при первой же возможности.

– Доброй ночи, – негромко сказал Ит, заметив, что показания изменились, а Сэфес открыл глаза. – Ты хоть немножко выспался?

– Вроде бы выспался, – неуверенно ответил Леон. – Или нет? Ит, мы устали. Извини, ради Бога, но мы действительно

устали. Оба. Очень.

– Вижу, – вздохнул Ит. Пересел поближе, вытащил из «запасника» второе одеяло, набросил на Леона – тот благодарно улыбнулся.

– Ты помнишь, – Сэфес натянул одеяло повыше. – Хотя кто-то про это помнит. Спасибо, Ит. Мелочь вроде бы, а насколько лучше... когда вот так.

– Леон, что случилось? – спросил Ит. – Где Соня с Владой, почему вы здесь, да еще в таком виде? Что с вами произошло?

– Да это не с нами, – Леон тяжело вздохнул. – Это со всем Контролем, наверное. По крайней мере, с той частью Контроля, про которую знаем мы.

– Но – что?

– Ох... ты что, совсем не в курсе?

– Абсолютно. Расскажи.

– В общем, Официальная решила, по её словам, омолодить и оздоровить Контроль. Мол, слишком много затрат, слишком много дополнительных расходов, слишком мало выработки. Нам еще повезло. Мы молодые, сумели приспособиться. Те, кто постарше, не сумели... Ит, не спрашивай. Сам скажу. Таенн погиб. Не вышел из Сети. То есть тело вышло, а... а душа осталась, видимо. Мы не знаем точно. Старых много погибло, почти все. И Барды, и Сэфес.

Ит закрыл глаза.

«Я так и знал, – подумал он. – Я знал, что он это скажет».

– Почему? – во рту пересохло.

– Потому что старая школа. С фиксированным выходом, привязанным к определенной точке. Теперь... школы новые. Уже лет тридцать, как новые.

– Какие школы?..

– Ну, есть такой проект, называется «Калейдоскоп», – стал объяснять Леон. – Основан он на теории о Божественном вмешательстве. Обобщенно говоря, если, допустим, выходит пара Сэфес, то те Встречающие, которым выпадет выводить эту пару, будут априори лучшими, потому что Бог сделал так, чтобы они оказались в нужном месте в нужное время. Понимаешь?

Ит кивнул.

– Со связующими – то же самое.

– Леон, где Влада и Соня?

– Мы не знаем, – Леон отвернулся. – Их увезли куда-то. Всех увезли куда-то, Ит. Встречающие работают сменами по четверо разумных; работают там, где прикажет Официальная. Наши счета заблокированы. И... они знают, что мы не бросим Сеть и не сделаем ничего дурного, потому что...

– Потому что вы побоитесь навредить своим, – закончил за него Ит. Леон кивнул. – Ну, поздравляю, коллега. Мы сейчас – в той же самой схеме. У нас вывезли Джессику с сыном, Берту и Фоба. Добро пожаловать в клуб.

– Фэб вернулся? Так это была правда? – Леон сел. – Боже мой... Ит, как же хорошо! Нет, то, что вывезли – плохо, но

что вернулся – очень хорошо. Я за тебя рад.

Ит невесело усмехнулся.

– Поздно радоваться, – проговорил он тихо. – Раньше... раньше – да. Сейчас... Мы не знаем, что делать. И вы, как я погляжу, тоже не знаете.

– Ит, мы терпим, – Леон понурился. – Да, тяжело. Но мы будем терпеть, пока носят ноги и пока мы можем выходить в Сеть.

– А Эрсай – тоже терпят? – поддел его Ит.

– Эрсай были первыми, кого они начали... – Леон осекся.

– Шантажировать, – подсказал Ит. Сэфес кивнул.

– Да, именно так. Это оказалось проще, чем можно даже представить себе. Эрсай ведь зависят от тех, кого они ведут, и если того, кого они ведут, убить... ты понимаешь, я думаю. Идет нарушение в структуре, глобальное. После десятка убийств Эрсай сдались сами. Они считают, что если сейчас прогнуться, в будущем появятся какие-то шансы.

Ит встал. Прошелся по палате, остановился у койки Леона.

– Если бы я знал, во что это выльется, я бы покончил с собой по-настоящему, – беззвучно сказал он. – Леон, это всё из-за меня. С гарантией. Из-за Терры-ноль...

– Что ты, что ты! – замахал руками Леон. – Сейчас выясняется, что это давно планировалось, задолго до того, как с тобой это случилось. Всё одно к одному просто. Сложилось так, понимаешь?

– Не понимаю. Потому что у меня складывается иначе. Леон, ложись, тебе пока нельзя долго сидеть, – Ит вывел визуал. – И надо поесть обязательно. Пока что гель, немного. Утром можно будет что-то посущественнее.

– Ит, ты профессию сменил? – вдруг понял Сэфес.

– Меняю, – кивнул Ит. – Учимся пока что. И учиться еще очень долго.

– Здорово, – одобрил Леон. – Это хорошая профессия. Добрая.

– Знаю, – Ит улыбнулся. – А еще, не поверишь, мне хочется работать. Видимо, всё то, что было прежним, я перерос. И слава Богу, что перерос.

– Счет уже открыл?

– Давно уже открыл.

– И сколько у тебя?

– Пара тысяч есть. Мало пока.

– Фига себе, мало! Ит, какие же вы молодцы. – Леон лёг, поправил одеяло. – И рыжий тоже?

– А куда я без рыжего? – рассмеялся Ит. – И рыжий, и Кир... Слушай, ты же не знаешь Кира. Хочешь, расскажу?

– Расскажи, – согласился Сэфес. – Спать пока что совсем не хочется.

* * *

Часом позже, когда Леон уснул, Ит вызвал Скрипача и по-

тихоньку рассказал ему всё то, что слышал. Скрипач после этого рассказа долго молчал, потом всё-таки поинтересовался:

– И это всерьез?

– Угу, – кивнул Ит. – Всерьез.

– А сам ты про это что думаешь?

– Я думаю, что произошло с Палачами, с Мастерами путей... – Ит потряс головой. – Если судить по ребятам, Контроль пока что держится. Но это ненадолго. Когда он станет ненужным службе, его... в общем, думаю, на Терре-ноль ни один портал не будет простаивать.

– А что насчет Божьей воли? – Скрипач оглянулся на визуал и тут же понизил голос.

– А сам как думаешь? – сердито прошептал Ит. – При чем тут Бог вообще?! Этак, знаешь, можно Божьей волей объявить вообще все, что душа пожелает!.. Шарахнул кому-нибудь в лоб из лучевика – и ты не виноват, блин, это воля была! Мне больше интересно, где эта демагогия прокатывает? Леон, разумеется, в этот бред не верит...

– Он верит в то, что Соньке и Владе оторвут головы, – мрачно кивнул Скрипач. – А мы верим, что головы оторвут нашим. Небезосновательно верим, потому что уже отрывали. Что-то больше не хочется.

В палате сейчас царил полумрак, слабенько светился лишь один небольшой флаерлайт над передвижной стойкой – экстренный, на стойке несколько десятков малых блоков

синтеза, мало ли, что-то срочно понадобится. Ит и Скрипач сидели сейчас возле этой стойки, чтобы не тревожить своим разговором спящих. Говорили они на пределе слышимости, сидели, едва не соприкасаясь плечами и время от времени поглядывая на визу алы. Пока что всё было в порядке.

– Мастера путей, как я думаю, работают в обычном режиме. А вот Палачи... Ох, Ит, тут мне что-то не по себе делается. Палачи – ребята серьезные, их так просто не поймаешь, как Мастеров или Контроль.

– И нагрузка у них всё-таки меньше, – согласно кивнул Ит. – Но что они будут делать? Палач, как ты знаешь, на анализ не способен. Он исполнитель. Анализируют – кто? Контроль и Эрсай. И никак иначе. Каждое звено в цепи – это именно что звено в цепи, и его нельзя так вот просто взять и заменить или пропустить.

– Ну да, ну да, – подтвердил Скрипач. – А если... если им дают какую-то работу? И они её выполняют?

– Какую работу может выполнять существо, способное убивать целые миры? – с горечью спросил Ит в ответ. – Рыжий, не смей меня. Зря мы отошли от этой темы...

– У нас и без этой темы всего хватает по самую макушку, – проворчал Скрипач. – Хорошо, оставим пока что Палачей в покое. Следующий вопрос. Чем нам могут быть полезными Леон и Морис?

– Как это – чем? – удивился Ит. – Обе точки, которые надо просчитать...

– Обе точки нужны на физическом плане, – напомнил Скрипач. – А Сэфес тебе просчитают – что? Угу. Менталку.

– Ну, значит, или Ри, или эта научная группа расшифрует эту менталку, – пожал плечами Ит.

– И опять не сходится. При чем тут мы? Зачем мы нужны?

– Рыжий, они это собираются делать с нашей помощью, – безнадежно напомнил Ит.

– Мы не резонируем с этими порталами, – отмахнулся Скрипач.

– Ох... Иди-ка ты спать, – попросил Ит. – Иди, иди, я посижу. Сам видишь, тут дела пошли на лад, так что давай часа через четыре поменяемся, ага? Кира не буди, они друг друга не знают, пусть лучше мы пока что...

* * *

Работать начали через трое суток. За это время полностью перестроили схему: уже на вторые сутки оба Сэфес начали интересоваться происходящим и несколько часов общались с научной группой. Ри тоже принимал участие в обсуждении – он первым начал понимать, что именно происходит и что предстоит делать, и Милтон, для приличия немного похоронившись, пустил Ри, а затем и остальных на эту встречу.

Схему в результате выстроили следующую. На каждый портал, по словам Мориса, потребуется около часа времени, потому что сейчас, ознакомившись со всем, что делалось

раньше, они поняли, что именно в данном случае им придется искать. Аппаратура бралась по максимуму, но с некоторой перестройкой – воздействие не нужно, а вот анализ придется делать полный, чтобы случайно ничего не упустить.

Ит, Скрипач и Кир первые два часа преимущественно слушали и в разговор, в отличие от обоих Мотыльков, не вступали. Ну, с Мотыльками всё было понятно: у эмпатов не могло не быть мнения по ряду вопросов, и это мнение Брид и Тринадцатый озвучивали за милую душу. Ри первый час тоже молчал, но потом не выдержал и тоже стал делать замечания: по расстановке активаторов, в частности.

«Что мы делаем? – с ужасом думал Ит, слушая друга. – Нет, ну что мы делаем, а? Мы же помогаем этой сволочи! Без нас и без Сэфес они бы ни в жизни не справились. Правильно, Ри, умница – так оно и есть, ты совершенно прав, что добавляешь сейчас то, что эти так называемые ученые упустили. И про направление спиральных потоков внутри порталов – привет с Сода. И про направление движения по векторам – привет с Апрея. Но... Ри, ты вдумайся, кому ты про это говоришь! Если мы... если будет какой-то результат, они же пришибут нас тут же, не задумываясь, потому что после этого результата мы будем им только мешать!»

Всё, однако, оказалось не так просто.

Несколькими днями позже они все получили возможность в очередной раз подивиться прозорливости Ри. Гений, он гений и есть. И этот гений сумел просчитать получающуюся

юся многоходовку быстрее и лучше, чем его оппоненты.

* * *

На первый портал отправились еще через неделю – был уже конец марта. Сначала было решено отработать самые «неприятные» порталы: под Климовском, на фирновом плато, и под Сосновым Бором. Остальные Леон и Морис предложили отложить на потом, потому что потребуются они исключительно для отладки.

На первый портал, обозначенный в схеме как «Климовск», вышли следующим составом. Оба Сэфес, вся команда Ри, вся команда Милтона, пяток боевиков, двое врачей, Илья и Рофаил, пилот и Мастер путей, вечно сумрачный пожилой когни. Бот набили аппаратурой, что называется, под завязку: двенадцать активаторов, десять «дельт-прима», огромный бокс с одноразовыми анализаторами, крошечными, размером со спичечную головку (в боксе их было около двадцати тысяч), около двух тысяч гель-блоков, предназначенных для фиксации информации, и еще что-то по мелочи, но что – было ведомо одному лишь Милтону.

– Цыганский табор, – констатировал Скрипач, когда они зашли в бот и принялись озираться, отыскивая, где бы сесть. – Эй, Милтон, а где девочки?

– Какие девочки? – не понял тот.

– А кто будет песни петь и плясать? – удивился Скрипач. –

Ну, девочки. Такие, знаете, в цветастых юбках и с монистами.

– Рыжий, шутка не удалась, он не знает, что это такое, – хмыкнул Кир.

Но тут он ошибся, потому что, как выяснилось, Милтон про цыган отлично знал.

– Спляши сам, – посоветовал он Скрипачу. – «Девочки»...

– Без медведя не могу, – отрезал Скрипач. – Будет медведь, будут и танцы. С бубнами.

– А зачем гель-блоки? – недоуменно спросил Ит. – Своей головы недостаточно?

Он, конечно, имел в виду дополнительную фиксацию информации – раньше он не видел, чтобы этим пользовался кто-то, кроме Встречающих. Этим понятно для чего нужно, Сэфес после Сети могут сделать что-то такое, что зафиксировать дополнительно не помешает, но вот чтобы кто-то фиксировал что-то с порталов...

– Потому что головы недостаточно, – невозмутимо ответил Милтон. – Еще какие-то вопросы?

– А где Огден? – ехидно спросил Ри. – Боится? Или, так сказать, душою с нами? Послеживает издали?

– Его тут нет, он... – Милтон осекся. – Он там, где ему нужно. Всё, идите на свои места, и стартуем.

– И где тут наши места? – Скрипач заозирался. – Тут, простите, можно только на одной ноге стоять...

– Давайте к нам, – позвал из дальней части шлюза Леон. – Тут можно сесть.

Кое-как расселись под ворчание Милтона, который требовал, чтобы на боксы с техникой никто не садился. Милтона в результате послали подальше, Кир заявил, что боксы крепкие, выдержат, и что не фиг парить мозги всякой фигней.

Через несколько минут бот стартовал.

– Через часок будем играть в высадку НЛО на лесной полянке, – невесело заметил Скрипач. – Ох, парни, что-то не радует меня это всё. Совсем не радует...

– Рыжий, а вы знаете, куда вывезли ваших? – вдруг спросил Морис.

– Знаем, – Скрипач поскущел. – К сожалению, знаем. На Терру-ноль их вывезли, Морис.

– Тогда вам проще, – Сэфес опустил голову. – Вы хотя бы знаете.

– Нет, не проще, – возразил Ит. – Ты в курсе, откуда можно попасть на Терру, и поэтому...

– Проще, потому что вы знаете хотя бы приблизительно, где они и что с ними.

– Что с ними – мы не знаем, – покачал головой Кир.

– Они живы, – твёрдо сказал Леон.

– Может быть, уже нет, – Ит тяжело вздохнул.

– Живы, – упрямо повторил Сэфес. – Они нужны для этих экспериментов. Поэтому они точно живы, не сомневайтесь.

– Ага. Пока идут эти эксперименты. – Ит отвернулся.

– Молчи, а? – попросил Кир.

– Запросто, – парировал Ит. – А то от моих разговоров что-то изменится.

Скрипач перегнулся через Кира и отвесил Иту затрещину – тот и не подумал уклоняться.

– Давай, бей, – одобрил Кир. – Может, ума прибавится.

– Прибавится у него, как же, – проворчал Ри. – Мелкие, ау. Чего разлеглись?

– А чего нам делать? – неприязненно отозвался Брид.

– Ну уж точно не спать. Вы мне обе руки отлежите за этот час.

– Давайте к нам, – позвал Леон. – Нам рук не жаль.

– А давай, – согласился Брид. Перелез к Леону на коленки, лёг, положив тому голову на сгиб локтя, и с вызовом устался на Ри. – Что, гений? Слабо? Руки отсохнут, да?

– Кончайте препираться, – попросил кто-то невидимый. – Вы можете помолчать хоть минуту?

– Не можем, – огрызнулся Скрипач. – Мы не в тюрьме, чтобы вы нами командовали, когда говорить, а когда нет.

– Ха-ха, – отозвался еще один голос откуда-то из-за активатора. – «Не в тюрьме». А где тогда?

– На свободе, – вдруг сказал Илья.

Он и Рофаил сидели сейчас в другой части шлюза, но Илья, видимо, говорил через свой налобник, тот запросто мог усиливать голос.

– Это как это? – удивился голос из-за блоков.

– А вот так это, – отрезал Илья. – Они имеют временное гражданство Санкт-Рены, и они мои подчиненные.

– Что, все? – ехидно поддел его голос.

– Трое, – уточнил дотошный Илья. – А еще трое – сотрудники Её Величества.

– Кто?

– Пилот и два Мастера проходов, – Илья говорил медленно и спокойно. – Так что придержите языки, уважаемые.

– Мы работаем добровольно, – тут же поддержал Скрипач. – И вы не имеете никакого права обращаться с нами, как со скотиной.

– Вы работаете, потому что... сами сказали. Из-за заложников, – хмыкнул голос. – Не было бы заложников, вы бы не работали.

– Как знать, – возразил Ит. – Я допускаю, что работали бы.

– Ой, ладно, устроили тут невесть что, – Милтон, видимо, тоже усилил голос, чтобы его все слышали. – Лучше бы схемы еще раз прогнали. А то на месте начнется «этого не помню», «этого на обсуждении не было».

– Не начнется, – отозвался еще кто-то. – По крайней мере, за нашу часть группы я ручаюсь.

Ит беззвучно рассмеялся, впрочем, веселого в его смехе было мало.

Весна потихоньку набирала силу. День выдался ясным, солнечным, по небу плыли легкие белые облака, а на открытых местах появились первые цветочки мать-и-мачехи, предвестники скорого тепла. В куртках было даже жарко, поэтому куртки побросали кто где – работать предстояло достаточно плотно, да и сама работа, по словам Сэфес, предполагала движение, так что замерзнуть не представлялось возможным.

Рыжий, пока выгружали аппаратуру, сорвал цветочек и незаметно воткнул в хвост Бриду, и потом с полчаса дразнил его «ромашкой», а Брид всё никак не мог понять почему. Когда понял – Скрипачу пришлось поспешно удирать в кусты от обоих Мотыльков, которые похватали с земли какие-то хворостины и начали довольно болезненно стегать его по ногам – выше они не доставали. Ит и Кир в это время бродили по краю портала, причем Ит, как заметил Кир, мрачнеет с каждой секундой всё больше и больше.

– В феврале мы сюда даже заходить не стали, и теперь я понимаю почему. – Ит присел на пенек, сгорбился. – Кир, это оно...

– Из считок?

– Ну да. Не поверишь, но мне физически больно даже рядом находиться.

– Верю. – Кир сел с ним рядом на корточки. – Придется потерпеть, к сожалению.

– Придется, – эхом отозвался Ит. – Кир, как думаешь, а не может быть это... то самое место? Вдруг это тот самый мир, а?

– Эк ты хватил, – Кир нахмурился. – Нет, это точно не он. Ты головой подумай: этот мир вошел во вторую фазу лет сто назад, а тот... тот в ней был больше семи тысяч лет назад. А то и больше. Сечешь?

Ит вздохнул.

– Ты прав, – ответил он. – Но место это на меня действует. И сильно. Даже голова и та перестает нормально соображать. Идиотизм же говорю, и сам же в него почти поверил, – он невесело усмехнулся. – Пошли спросим, долго там еще?

– Пошли, – Кир встал, ободряюще хлопнул Ита по плечу. – Как говорится, раньше сядем, раньше выйдем.

С аппаратурой управились за двадцать минут, благо, что народу было в избытке, а Милтон, невзирая на протесты, привлек к растаскиванию на нужные места активаторов и прочего еще и боевиков. Затем он и его научная группа уселись перед своими приборами, Сэфес встали у самого края портала, а Ит и Скрипач вышли на первую указанную Леоном точку.

Дальше всё пошло как по маслу, Ит даже удивился. То ли Сэфес были тому причиной, то ли Мотыльки заметили, как он мучается, но неприятные ощущения вскоре сошли на нет.

Следующие полчаса они вдвоем перебегали с места на место, останавливались по команде и вскоре вышли на последнюю точку, завершающую этот странный «маршрут».

– Ребят, одну минуту постойте, – попросил Морис. – Милтон, у вас всё?

– Почти всё, – ответил тот. – Феноменально! Вот это я понимаю, это результат. Завтра берем фирновое плато, послезавтра – Сосновый Бор. Леон, сколько у вас займут расчеты?

– Если вместе с вами, то от недели до десяти дней, – после секундного раздумья ответил Сэфес. – Если считать будем только мы, то недели две. Но я бы предпочел, чтобы считали всё-таки мы сами.

– Почему?

– У нас другая методика. Вы геометры, мы топологи, говоря вашим языком. Сейчас мне кажется, что наш метод будет интереснее.

– Подумаем.

– Эй, нам можно обратно? – позвал Скрипач, которому надоело стоять на одном месте.

– Сейчас... Да, можно, – визуал Милтона растаял. – И по дороге прихватите хотя бы по одной «дельте». Эх, жалко, что поздно вышли. А то за сегодня успели бы и плато обработать.

Рофаил и Илья синхронно поднялись и подошли к научной группе. До этого они сидели рядом с модулем и беседовали о чем-то своем, но сейчас, видимо, решили, что пора вмешаться.

– Один портал в день, – не допускающим возражения голосом сказал Рофаил. – Сэфес пока что не в форме, им нужно отдохнуть.

Морис благодарно улыбнулся, и Рофаил едва заметно подмигнул ему в ответ.

– Милтон, экий вы жадный, – проворчал Илья. – Обойдетесь. Так, ребятки, собираемся и поехали. А то некоторым тут еще на поддержке лежать как минимум два часа сегодня.

* * *

Вечером этого же дня все собрались в общей каюте. Сэфес Рофаил действительно положил на два часа на поддержку, и пришли они в результате очень бодрыми и довольными жизнью.

– Давно такого хорошего выхода у нас не было, – заметил Морис. – Ой, давно. Ребята, огромное вам спасибо всем.

– Это ты не нас, это ты Рофаила благодари, – подсказал Скрипач. – Он очень достойный дядька. У нас была такая смехота, когда мы всем госпиталем вирус словили, ты не представляешь.

– Какой вирус? – удивился Леон².

– Сейчас расскажем.

Чуть позже подтянулись остальные: Ри, который ходил

---

² События описаны в книге «Горькие травы. Лунное стекло» Е. Белецкой, И. Эльтерруса.

мыться, Кир, который где-то бегал, и Илья, который целых два часа изображал видимость административной работы со своим составом.

– Ну, что. – Морис с удобством устроился в кресле, построил себе на колени Тринадцатого и с интересом оглядел всю честную компанию. – Могу обнадежить. Результат у нас будет. Причем весьма скоро.

– Ты умеешь обнадежить, – Ри покачал головой. – Ты понимаешь, что последует за этим результатом?

– Я не знаю, что за ним последует, – Морис улыбнулся. – Но... Ри. Значит, так. Начиная с этой минуты вы все, – он сделал акцент на слове «все», – будете слушаться нас. Во всём. Вы поняли?

Ри с Итом недоуменно переглянулись. Скрипач пожал плечами.

– В смысле? – поинтересовался он. – Немножко непонятно.

– А что тут непонятного? – удивился Леон. – Невзирая на то что некоторые вещи вполне могут вам показаться нелогичными, нелепыми, странными... понимаешь?

Скрипач отрицательно покачал головой.

– Господи... Ри, ты понял?

– Леон, прости, но нет, – ответил тот. – По-моему, никто из нас ничего не понял.

– Морис, сделай, – попросил вдруг Леон. – Видимо, придется иначе.

Пространство вокруг вдруг мигнуло и окуталось на миг холодной бирюзовой дымкой.

– Минута. Мужики, вас надо отсюда вытаскивать. Мы попробуем это сделать. Не факт, что получится с первого раза, но попробуем.

– Куда? Как?! – На лице Ри отразилось сильнейшее волнение.

– Понятия не имеем, как и куда! – рявкнул Леон. – Не знаем пока! Будем импровизировать! Так вот, если мы что-то начинаем гнать, то нужно не возражать, а кивать с умным видом, это ясно?

– Опомнитесь, вы что! – Ит потряс головой. – Если вы начнете нести идиотизм, то это тут же поймут другие Сэфес и вас сдадут! Тут еще три экипажа, туча Бардов, и...

– И мы с ними сами как-нибудь договоримся, – жестко ответил Леон. – Они не сдадут, не бойтесь. Никто из Контроля не сдаст. Никогда.

– Почему?

– Потому что мы считаем, что этой дорогой не должен владеть никто. Разве что совсем уж случайно... но вероятность настолько мала, что случайность исключается, – Леон вздохнул. – Вы поняли?

– Поняли, – кивнул Ри. – Давай, выключай свою эту... подделку под реальность.

– Так, – Леон говорил собранно и солидно. Умел он, когда нужно, напустить солидности. – Завтра на плато будут рабо-

тать Ри и Кир.

– Я? – Кир аж поперхнулся от неожиданности.

– Угу, ты. А что тебя удивляет? Ты на таком же плато на Терре-ноль был ранен, если я правильно понял, так что тебя со счетов сбрасывать нельзя, вдруг будет какая-то реакция? Далее. Самый перспективный и сложный портал – это тот, который в Сосновом Бору. Там будут по очереди работать все. Первая пара – рыжий с Итом, вторая – Мотыльки, третья – вы двое. Это ясно?

– Ясно, – хмыкнул Брид. – А нам леталку нашу отдадут? Или пешком?

– Леталку? – Морис задумался. – Не знаю. Давайте возьмем её с собой. Не думаю, что слабый антиграв может дать какой-то отрицательный эффект.

Ри сидел за столом, о чем-то размышляя. Потом встал, прошелся по комнате, остановился у двери. Снова вернулся за стол, сел, вывел визуал, что-то посмотрел.

– То есть всё-таки две физические точки, как и было сказано, – констатировал он. – Очень, очень интересно... Никак не могу найти плюс и минус в этой системе.

– Они тоже не могут, – пожал плечами Морис. – Поэтому и планируют две экспедиции, а не одну, как подумали некоторые.

– Во как! – восхитился Скрипач. – Про это, кажется, даже Берта не доперла!..

– И я не допер, – сознался Ри. – Но...

– Да, нас тоже несколько смущает количество кораблей, которые, скорее всего, уйдут в никуда практически без возможности возврата, – Леон погрустнел. – Это, например, за- просто может оказаться область, в которой нашего круга, нашей фазы – вообще нет. Вселенная неоднородна...

– Блинское блинство, – проворчал Скрипач. – Черт... то- то я смотрю, что Её Величество как-то ну очень невесела последнее время.

– Еще бы, – кивнул Илья. – Веселиться тут поводов нет, это точно.

– Народ, давайте пока что в уныние не впадать, а? – по- просил Тринадцатый. – Еще успеем.

– Он прав, – согласился Рофаил. – Действительно, что-то вы рано...

– Рофаил, а вы уверены, что «Альтея» пойдет в нуж- ном направлении, если кого-то куда-то погонят? – спросил Леон. – Я – нет. Ребята – тоже нет. Надо попробовать решить это как-то так, чтобы... чтобы обойтись без жертв.

– Хорошая мысль, – согласился Ри. – Ладно. Давайте пройдемся по техническим деталям...

* * *

Немногим позже, когда ложились спать, Скрипач сказал Иту, что картинка у него получается совсем печальная. Ит тут же согласился – еще бы. Сэфес сейчас не просто риско-

вали собой, нет. Всё обстояло гораздо хуже.

Если Сэфес действительно сделают то, что собираются сделать, они могут погибнуть сами. Или убьют их Встречающих. Или произойдет еще что-то, о чем ни один из них не имеет представления, но то, что оно произойдет, сомневаться не приходится.

Огден жесток, и Огден будет мстить. Причем очень быстро. Практически сразу.

Всем...

Это «всем» пугало больше всего. Не согласиться с планом Сэфес было невозможно, согласиться – означало подставить ту часть семьи, которая сейчас находилась в заложниках. Работать так, как хочет Огден... а результат тот же самый. Куда не кинь, всюду клин, ни одного выигрышного варианта, ни одного просвета. Или-или-или. Даже всегдашнее выражение Скрипача «Мы что-нибудь придумаем» сейчас не работало. Потому что придумать что-то было нереально.

Говорили, конечно, полунамеками, старательно обходя главные темы. Легче от разговора не стало, наоборот, спать ложились подавленными и обессиленными.

Проспав кое-как два часа, Ит встал и снова отправился бродить – мысли не давали заснуть, воспоминания не отпускали.

...темная лесная дорога, и маленькая женская фигурка в свете фар, силуэтом, зыбким бестелесным призраком...

...рука Фэба на плече, спокойное сонное тепло, но воет

сирена, а так хочется полежать еще хотя бы минуту, чтобы не отпускать это тепло от себя подольше...

...дождь за темными окнами, и как же вкусно пахнет на кухне, и Бертик сидит у стола, и что-то режет на маленькой досочке, а он, Ит, стоит в дверях и любит ее – какая она ладная, маленькая, и какие у неё красивые руки, и русые волосы, и чудесное розовое ушко, за которое она завела сейчас прядку; и как хочется подойти к ней, и обнять крепко-крепко...

У нас всё отняли, думалось ему, всё отняли, и снова всё пропало. И не нужно говорить себе «не сдавайся», я и не сдавался, я не думал сдаваться, но перед нами всеми сейчас появляется что-то новое, и это новое, оно inferнально-страшное, оно непреодолимое, и оно настолько больше, чем мы сами, что остальные, кажется, этого нового пока что не увидели – может быть, из-за его размеров. Оно застит всё и вся, и мы все стоим перед этим новым, как перед гигантской стеной, уходящей в самое небо, и даже не видим стены.

Мы не сумеем, вдруг с ужасом понял он. Мы же не сумеем, потому что никто не сумел бы собрать всё обратно. Это невозможно, но мы пока что старательно гоним от себя эту мысль о невозможности и делаем вид, что...

А еще существует пентакль.

«Ваш пентакль».

Ит задумался – почему именно эта мысль столько времени не дает ему покоя? Что имел в виду Огден, о чем он говорил?

Надо будет спросить. Дождаться, пока эта сволочь появится здесь, и спросить. Напрямую. Поговорить с ним, заставить рассказать. Скорее всего, они добрались до каких-то архивов и теперь знают про нас что-то, чего не знаем мы сами. Но что?..

Побродив еще с полчаса по коридору, Ит побрел обратно, в их каюты. На пороге его, разумеется, ждал заспанный и сердитый Кир.

– Ну и где тебя носит? – недовольно спросил он, когда Ит подошел ближе.

– Так... ходил, – неопределенно ответил Ит.

– Что с тобой такое, а? – спросил Кир. – Ты можешь не молчать, а нормально объяснить?

– Могу попробовать. – Ит вошел в общую гостиную, сел на диван. – Выхода нет, Кир. Я сейчас понял, что выхода нет.

Кир промолчал. Сел рядом с Итом, вздохнул.

– Смотри сам, – продолжил, не дождавшись ответа, Ит. – Что бы мы ни делали, результат будет один и тот же.

– Не уверен, – отозвался Кир.

– А я уверен. И еще... я очень скучаю, – Ит понурился. – Но в то же время я понимаю, что это, наверное, в какой-то степени правильно.

– Что – правильно? – не понял Кир.

– То, что так произошло. Есть у меня пара мыслей. Но я потом скажу.

– О чем ты?

– Пентакль, – Ит, наконец, решился. – Огден сказал нам с рыжим тогда, на дороге, что мы – это пентакль. И что его никто раньше не собирал.

– То есть мы не собирались впятером одновременно все вместе? – уточнил Кир.

– Ну да, – кивнул Ит.

– Ит, ты чушь городишь. – Кир решительно встал. – Если мы такой пентакль уникальный, то на кой хрен Огден его разобрал сейчас на части?

– У меня есть на этот счет одна мысль. Чтобы... чтобы мы не навредили сами себе раньше времени.

– И снова чушь, – парировал Кир. – Столько лет живем, и никто никому не вредил. Всё, пошли спать. Три ночи. Давай-давай. Завтра пахать целый день.

* * *

На фирновое плато аппаратуры взяли всё-таки поменьше. Милтон, основываясь на вчерашней работе, сделал вывод, что почти половина приборов просто не нужна, её с лихвой заменяло присутствие Сэфес. В шлюзе на этот раз было по-свободнее, и расселись с комфортом.

Ри, против ожиданий, был собран и деловит. Расклеиваться он явно не собирался. А вот Кир, к вящему удивлению Скрипача, был тревожен и явно нервничал.

– Чего ты завелся? – спрашивал Скрипач. – Ау, гараж! Мы

же там пахали четверо суток. С тобой ничего не было.

– Я не из-за этого, рыжий. Понимаешь, я всё это время был... ну, как бы ни при чем, – признался Кир. – Это вы были крутые и такие-сякие, связанные с порталами, и всё прочее, а я... ну, понимаешь...

– Ясно, – резюмировал сидевший неподалеку Ит. – Ну, чего. Добро пожаловать в клуб.

– Да погоди ты, – отмахнулся Ри, до этого молча слушавший признание Кира. – Может, еще ничего и не получится.

– А этого я тоже боюсь, что не получится, – признался Кир. – Может быть, мне хочется... того... в клуб.

– Ну, тогда пусть хочется, – хохотнул Скрипач. – У нас весело, скъ'хара. Пиво, правда, дают только по субботам.

– Рыжий, отвяжись, дай помандражировать, – попросил Кир. – Чего ты как неродной? Ну проникнись...

– Эй, Леон, ты мандражирующего лося видел когда-нибудь? – спросил Скрипач. – Любиуйся. Редкий шанс.

– Кир, а что такое? – удивился Сэфес. – Ответ будет, можешь не сомневаться.

– Что? – Кир растерялся.

– Ты действительно резонансный двойник какого-то портала, – пожал плечами Леон. – И что с того?

– Что с того?! – У Кира глаза полезли на лоб. – Ну, как тебе сказать, Леон. Я всю жизнь прожил, пребывая в глубокой уверенности, что я никто и звать меня никак. И тут – на тебе. Это словно миллион выиграть.

Он замолчал, задумался. Скрипач ткнул его в бок кулаком, но никакой реакции в ответ не получил.

– У Кира ступор, – рассмеялся рыжий. – Сейчас пройдет. Ит, помнишь, в Москве случай был... ну, когда мы на «Скорой» работали? Когда мужик от счастья речь на час потерял?

– Ааа... точно, – Ит рассмеялся. – Был какой-то дядька, помню. То ли Бейко его фамилия была, то ли Бойко. В общем, мужик играл в какую-то лотерею, не помню я, во что он там играл, но факт остается фактом – выиграл что-то около шестисот тысяч, валютой. После налогов осталось почти пятьсот. Он не верил. До последнего момента не верил, что это возможно. Ему на телефон сообщение приходит из банка: на ваш счет поступило столько-то. Он снова не верит. Позвонил в банк, ему подтвердили.

– И чего?

– Онемел на час, жена нас вызвала, со страху, не иначе. Стоит с телефоном в руке и в стену смотрит. Тупо. Ну, в общем, мы приехали, накапали мужику пустыряника, подождали, пока он отмерзнет, выслушали это всё и отчалили. Причем, что характерно, он первый раз в жизни во что-то такое ввязался. Никогда не играл до этого. Спокойный тихий дядька.

– Ит, он не играл, – вспомнил Скрипач. – Он что-то собирал, по какой-то акции, что ли. То ли крышечки, то ли баночки. В общем, сорвал суперприз. В жизни всякое бывает. А дядька хороший был, да. Таким редко настолько сильно

везет.

– Забавно, – улыбнулся Леон. – А если серьезно, то... Кир, я бы не сказал, что ты выиграл миллион. Это больше похоже на дополнительный груз, который ты будешь таскать всю жизнь.

* * *

С порталом всё получилось в точности так, как планировали Сэфес. Прошли его быстро, несмотря на погоду и снег. Милтон радовался результатам, как манне небесной – видимо, до этого ничего путного у группы не получалось.

Ит и Скрипач, пока остальные работали, пошли посмотреть на место, где стояли оба госпиталя. Чистильщики тут потрудились на совесть, не осталось вообще ничего. Чистый ровный снег, нехоженный наст. И ведь не скажешь, что еще совсем недавно тут была чудовищная бойня. Всё, так сказать, в первозданном виде.

Интересно, это тоже Эрсай делают? Видимо, они. Ведь только они могут двигать темпоралки на большие сроки – не сами, вместе с техниками Официальной, но всё-таки...

Получасом позже уставшие Кир и Ри сидели в боте, а остальные бродили по portalу, собирая аппаратуру.

– Одного не пойму – зачем на самом деле это надо? – произнес Ит в пространство. – Ну, допустим, Терру-ноль находят на физическом уровне. Так? Милтон, что вы планируете

с ней сделать?

Милтон, который в этот момент загружал очередную «дельту» на антигравитационную платформу, пожал плечами.

– Ну, насколько я знаю, уничтожить её вроде бы никто не планирует. Вы же сами понимаете, это-то как раз сделать проще простого...

Конечно, проще простого.

Протащи через любой портал что-то типа «хрустальной пыли», и привет, Терра-ноль. Через сутки всё население планеты будет мертво, а еще через пару дней она начнет саморазрушаться: произойдет смещение магнитных полюсов, сдвинутся континенты, начнутся извержения... и через месяц на месте планеты будет облако обломков.

– Я не знаю, – Милтон отвернулся, снова взялся за «дельту». Ит подошел, вместе они поставили «дельту» на платформу. – Да мне и не положено это знать. Моя задача – найти. Остальное – не в моей компетенции.

– Ну уж так уж и не в вашей, – поддел его Ит. – Наверняка есть какие-то слухи, предположения...

– У меня их нет. Если хотите, поговорите с Огденом, он прибудет завтра.

– Завтра мы точно с ним не поговорим, потому что нужно отработать Сосновый Бор. Не знаете, он долго пробудет... с нами? – Ит усмехнулся.

– Мне он не докладывает, – Милтон надул губы. – Скорее

всего, до завершения работы Сэфес. До окончания расчетов.

– Спасибо, – кивнул Ит. – Пойдемте дальше «дельты» собирать, а то врачи будут сердиться, что мы им вовремя Сэфес не отдали.

Терра-ноль, Сухой Лог

Настя и Ромка

Лежа на узкой жесткой кровати, Ромка сквозь сон прислушивался к тому, что творилось вокруг. Ночью детский дом жил своей жизнью, по своим законам. Вот прошлепали по полу босые ноги – это десятилетний Стасик побежал в туалет, он чуть не каждый час бегаёт. В дальнем, «козырном», углу перешептывались, и то и дело мелькал свет карманного фонарика: там резались в карты старшие, лет по пятнадцать-шестнадцать, парни. Элита. По чести сказать, редкие мрази. Рядом, на соседней кровати, кашлял во сне Вовка, он был простужен, но лечить Вовку никто не собирался. Еще чуть дальше, в ряду напротив, шепотом переговаривались о чем-то Эльдар и Славка, ровесники Ромки. Парни в принципе неплохие, но уж очень забитые, всего боятся. Казалось бы, чего им бояться? Дружат давно, в обиду друг друга не дадут... хотя тут как посмотреть. Если на тебя десяток нападет, никакая дружба не поможет.

Остальная часть огромной, на тридцать человек, спальни для мальчиков уже дрыхла без задних ног. Дело шло к часу ночи, в час будет обход, придут двое воспитателей, и лучше бы притвориться, что спишь. Надежнее.

Мимо кровати снова прошлепали босые ноги: значит,

Стасик вернулся. Только бы в обход ему не влетело за то, что бегал! «Малявок» Ромке было жалко, потому что отыгрывались и срывали злобу на «малявках» все, кому не лень. А не лень было многим, ох и многим. И делали гадости очень разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.